

Александр Дюков¹

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА АРЕСТА И ОСВОБОЖДЕНИЯ В. И. УЛЬЯНОВА В АВСТРИЙСКОЙ ГАЛИЦИИ В КОНТЕКСТЕ ОПЕРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ, 1912–1914 гг.

Э то произошло на следующий день после объявления Австро-Венгрией войны России, недалеко от известного горного курорта Закопане, что в австрийской Галиции. 7 августа 1914 г.² на дачу в деревне Белый Дунаец, снятую на лето российским подданным В. И. Ульяновым, пришел с обыском местный жандарм. Утром следующего дня он сопровождал Ульянова в город Новый Тарг (по-немецки — Ноймаркт), где окружные власти поместили подданного враждебного государства под арест по подозрению в шпионаже. Заключение, впрочем, не было долгим — уже 19 августа, на двенадцатый день заключения, Ульянов был отпущен на свободу и вскоре вместе с женой и тещей отбыл в Швейцарию. Сам Ульянов (впоследствии ставший всемирно известным под псевдонимом Ленин) в письме родным впоследствии характеризовал свой арест следующим образом: «Пленение мое было совсем короткое, 12 дней всего, и очень скоро я получил особые льготы, вообще «отсидка» была совсем легонькая, условия и обращение хорошие»³.

---

¹ Институт российской истории РАН.

² Здесь и далее все даты, за исключением особо оговоренных случаев, даются по новому стилю.

³ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1965. Т. 55. С. 355.

У российских революционеров «со времен подполья считалось, что если кого-то арестовали и вскоре отпустили, то это бросает на него серьезные подозрения: раз отпустили, значит во время допросов его завербовали и теперь он полицейский осведомитель»⁴. Само собой разумеется, что быстрое освобождение австрийскими властями русского эмигранта, немедленно после отъезда в Швейцарию шокировавшего всех публичными призывами к поражению собственного Отечества и даже его расчленению, а также похвалами в адрес «украинской» политики Австро-Венгерской империи⁵, — не могло не вызывать небезосновательных подозрений. Показательно, что подозрения эти появились в первую очередь среди русских политических эмигрантов в Европе, оппозиционно настроенных по отношению к царским властям.

Поскольку русская политэмиграция была не слишком многочисленным сообществом, в котором все знали всех, подозрения достаточно быстро стали обрастать плотью. Уже во второй половине сентября 1914 г. один из лидеров «Бунда» А. Литвак опубликовал в нью-йоркской газете «Forward» заметку, в которой рассказывал о том, как один из проживавших в Австрии русских политэмигрантов был задержан полицией, — и немедленно освобожден и отпущен в Швейцарию после того, как назвался сторонником Ленина⁶. Напечатанная на идиш заметка не сразу оказалась замеченной; лишь месяц спустя ее перепечатала русская эмигрантская газета в Париже⁷. Печатно имя отпущенного австрийской полицией ленинского соратника не называлось, но было известно заинтересованными лицам — то был Н. И. Бухарин⁸. Показательно, что русские политэмигранты не стремились публично выносить сор из избы, надеясь получить от Ленина какие-нибудь публичные объяснения произошедшему. Но объяснений не было — и тогда вопрос был задан публично.

---

⁴ Эдельман О. В. Сталин, Коба и Сосо. Молодой Сталин в исторических источниках М., 2016. С. 16.

⁵ См. напр.: Der Krieg und die russische Sozialdemokratie. Ein Vortrag Lenins // Arbeiter-Zeitung (Wien). 1914. № 309 (7 Nov.); Материалы к реферату «Война и социал-демократия». Первые дни ноября 1914 г., Цюрих // Ленинский сборник. XIV / под ред. В. В. Адоратского, В. М. Молотова, М. А. Савельева. М., 1930. С. 138–143.

⁶ Forward (New-York). 1914. № 5839 (18 sept.). P. 2.

⁷ Голос (Париж). 1914. № 26 (13 окт.). С. 2.

⁸ Коэн С. Бухарин и большевистская революция. Политическая биография / пер. с англ. Е. Четвергова, Ю. Четвергова, В. Козловского. Royal Oak, 1980. С. 25.

В опубликованной осенью 1915 г. заметке бывший большевик, член РСДРП Г. А. Алексинский писал: «В парижской газете «Голос» сообщалось в свое время о том, как один ленинец-пораженец, арестованный в Тироле австрийской полицией в начале войны, получил свободу потому, что отрекомендовался полицией сторонником Ленина. Мы долго ждали от ленинской прессы и от самого лица, о котором шла речь, опровержения или разъяснения этой истории. Нам даже публично (на реферате в Лозанне⁹) обещано, что это разъяснение вскоре появится в ленинском «Социал-демократе». Со времени этого обещания прошло уже полгода и так как оно не исполнено, то мы считаем себя обязанным назвать это то лицо, о котором идет речь, дабы заставить его дать объяснение. Лицо это — сотрудник ленинской прессы («Просвещения» и «Коммуниста») Н. Бухарин»¹⁰. Однако и после этого объяснений не последовало.

К осени 1915 г. Алексинскому стали известны также и подозрительные обстоятельства освобождения Ленина австрийскими властями. Впоследствии он рассказывал: «В 1915 г. я встретил у моего знакомого, польского соц[иал]-дем[ократа] Рубинштейна-Малецкого, его товарища — Ганецкого-Фюрстенберга, явление это меня удивило, ибо я никак не мог понять, каким образом Ганецкий мог жить и в Париже, и в Австрии одинаково свободно во время войны. Еще более меня удивил рассказ Ганецкого о том, что он, узнав об аресте Зиновьева и Ленина, отправился туда, где они были арестованы, и, как он выразился, «прервал допрос» Ленина и Зиновьева, производившийся австрийскими властями. Я не преминул осведомиться у Ганецкого, каково же было его официальное положение в Австрии, если он, русский подданный, мог вмешиваться в дела австрийских след-

⁹ Речь идет о публичном выступлении В. И. Ульянова с рефератом «Пролетариат и война» в Народном доме в Лозанне 14 октября 1914 г. (то есть на следующий день после появления в «Голосе» упомянутой заметки).

¹⁰ Следственное дело большевиков. Материалы предварительного следствия о вооруженном выступлении 3–5 июля 1917 г. в г. Петрограде против государственной власти. Июль–октябрь 1917 г. Сборник документов : в 2 кн. / отв. сост. О. К. Иванцова. М., 2012. Кн. 1. С. 147. Стоит отметить фактическую ошибку Алексинского: Г. И. Зиновьев австрийскими властями не арестовывался вообще (*Зиновьев Г. Е.* Год революции (февраль 1917 — март 1918 г.). Ленинград, 1925. С. 197); об отсутствии даже угрозы ареста свидетельствует тот факт, что он навещал В. И. Ульянова в тюрьме Нового Тарга (*Зиновьев Г. Е.* Ленин. Ленинград, 1924. С. 174).

ственных властей. Ганецкий был смущен моим вопросом и оставил его без ответа»¹¹.

Поскольку Я. Ганецкий был сотрудником знаменитого А. Парвуса, в годы Первой мировой войны получавшего от германских властей деньги на революцию в России¹², Г. А. Алексинский был совершенно уверен, в том, что освобождение Ленина австрийскими властями было эпизодом сотрудничества лидера РСДРП (б) с властями Центральных держав. Летом 1917 г., уже после падения монархии, Алексинский не только выступал по этому вопросу на страницах прессы, но и давал показания следователю, ведущему дело о попытке большевиков организовать антиправительственное выступление в Петрограде¹³.

На сей раз отмолчаться было невозможно. Отвечая на прозвучавшие обвинения, большевики утверждали, что освобождение Ленина произошло благодаря австрийским социал-демократам, «нажавшим» на представителей австро-венгерских властей¹⁴, а рассказы об участии в освобождении Я. Ганецкого — ложь. «Все что пишется теперь о роли Ганецкого-Фюрстенберга в деле освобождения Ленина и меня, — чистейшая ложь. Ни на одном допросе Ленина галицийскими властями он не присутствовал и потому «прерывать» их не мог», — утверждал Г. Е. Зиновьев в статье «Ответ клеветникам», написанной в знаменитом шалаше в Разливе в июле 1917 г.¹⁵

По всей видимости, именно эта версия и стала бы основной для советской историографии, если бы семь лет спустя, уже после смерти Ленина, упомянутый Я. Ганецкий, к тому времени работавший в Наркомвнешторге, не сумел публично отстоять свой вклад в дело освобождения будущего вождя Октябрьской революции из австрийской тюрьмы.

---

¹¹ Следственное дело большевиков. Кн. 1. С. 115–116.

¹² Zeman Z., Scharlau W. The Merchant of Revolution: The Life of Alexander Israel Helphand (Parvus), 1867–1924. London, 1965; Катков Г. Февральская революция / пер. с англ. Л. А. Игоревского. М., 2006; Германия и революция в России, 1915–1918. Сборник документов / под ред. Ю. Г. Фельштинского. М., 2013. То, что германская военная разведка поддерживала контакты с А. Парвусом, в конце 1945 г. подтвердил бывший глава этой службы В. Николаи во время допросов офицерами ГУКР «СМЕРШ» (Гришин Е. М. Тайная сила разведки Германии. М., 2021. С. 165–166; Никандров Н. Шпионские игры на балтийских берегах. Противостояние разведок. М., 2023. С. 52–53).

¹³ Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 1. С. 256–258.

¹⁴ Зиновьев Г. Год революции. С. 197.

¹⁵ Там же. С. 198.

Заручившись мандатом Института Ленина, он отправился в Краков, к тому времени уже ставший польским, встретился с местными сотрудниками полиции (знакомыми ему с еще с предвоенного времени), получил от них уникальные документы об аресте и освобождении вождя мирового пролетариата и опубликовал их со своими комментариями во втором томе «Ленинского сборника»¹⁶. В этой публикации Ганецкий счел нужным подчеркнуть, что он действительно прервал процесс допроса Ульянова следователем в Новом Тарге, а также что он специально ездил в Краков, где хлопотал об освобождении во «всевозможных учреждениях и бесчисленных канцеляриях»¹⁷. Таким образом, получалось, что Зиновьев в «Ответе клеветникам» все-таки лгал, а подозрения Алексинского имели под собой фактическую основу.

Публикацией в «Ленинском сборнике» Ганецкий навечно вписал себя в истории рядом с В. И. Ульяновым и, одновременно, создал проблему для советской партийной историографии. Введенные Ганецким в оборот документы австрийской полиции при их внимательном чтении порождали очень много малоприятных вопросов, а изъять их из оборота было уже невозможно. Однако можно было просто не использовать. В последующие десятилетия об аресте Ленин в австрийской Галиции его советские биографы предпочитали писать как можно более кратко, без ссылки на публикацию Ганецкого¹⁸. (В немалой степени этому способствовал тот факт, что Ганецкий был расстрелян в 1937 г. как «польский шпион»; поводом для обвинения послужила его очередная, уже в 1933 г., поездка в Польшу за ленинскими документами¹⁹, — между прочим, согласованная Политбюро²⁰.) Упоминание об аресте

¹⁶ Ганецкий Я. Арест В. И. Ленина в Австрии в 1914 г., по документам // Ленинский сборник II / Под ред. Л. Б. Каменева. 3-е изд. М.; Л., 1924; Ганецкий Я. В поисках архивов В. И. Ленина (отчет о поездке в Польшу по поручению Института Ленина) // Ленинский сборник. II / под ред. Л. Б. Каменева. 3-е изд. М.; Л., 1924.

¹⁷ Ганецкий Я. Арест В. И. Ленина в Австрии в 1914 г., по документам. С. 177–179.

¹⁸ Ярославский Е. М. Жизнь и работа В. И. Ленина. Ленинград, 1925. С. 85; Ярославский Е. М. Биография В. И. Ленина. Л., 1942. С. 80–81; Ленин Владимир Ильич. Краткий очерк жизни и деятельности. М., 1942. С. 143.

¹⁹ Волкогонов Д. А. Ленин. Политический портрет: В 2-х кн. М., 1994. С. 230–231.

²⁰ Кен О. Н., Рупасов А. И. Политбюро ЦК ВКП (б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.). Проблемы. Документы. Опыт комментария. М., 2000. Ч. I. С. 376. В ходе этой поездки Я. Ганецкий встречался с ближайшим сподвижником Ю. Пилсудского, бывшим премьер-министром Польши В. Славеком (к слову сказать, до начала войны являвшего од-

Ленина было, разумеется, вымарано и из переведенных на русский язык воспоминаний последнего главы австро-венгерской военной разведки М. Ронге²¹.

В послесталинское время этот эпизод биографии вождя революции перестал быть табуированным. Об аресте Ленина в австрийской Галиции в первые дни Первой мировой войны можно было прочитать в официальной биографии²²; более того, в 1965 г. режиссер Сергей Юткевич снял об этом художественный фильм «Ленин в Польше», заслуженно получивший в Каннах приз за лучшую режиссуру и до сих пор впечатляющий своей модернистской смелостью: «Выстроить драматургию фильма как сплошной поток сознания — это не понарошку радикально, на такое в 1965 году, кажется, ни один отпетый авангардист не решился»²³.

Советские партийные историки были, однако, не столь смелы в научном отношении, как режиссер Юткевич — в художественном. В годы «застоя» в Советском Союзе в свет регулярно выходили научные монографии и публицистические работы, в которых так или иначе рассказывалось об аресте Ленина в австрийской Галиции²⁴ — но все они базировались на одном и том же (чрезвычайно ограниченном) наборе источников. Основой являлась все та же публикация Я. Ганецкого в «Ленинском сборнике», никогда, впрочем, не цитировавшаяся полностью. Несмотря на то, что опубликованные документы на протяжении

ним из ключевых польских агентов австро-венгерской военной разведки) — и передал ему 578 документов государственных органов Российской Империи о революционной деятельности Пилсудского и его соратников. По всей видимости, эти документы содержали и информацию о взаимодействии Пилсудского со спецслужбами Японии и Австро-Венгрии.

²¹ Ронге М. Разведка и контрразведка / Пер. с нем. М., 1937. Оригинальное издание: *Ronge M. Kriegs und Industrie-Spionage. Zwölf Jahre Kundschaftsdienst*. Wien; Leipzig, 1930.

²² Владимир Ильич Ленин. Биография, 1870–1924 : в 2 т. 7-е изд. М., 1985. Т. 1. С. 246–247.

²³ Трофименков М. С. История русского кино в 50 фильмах. СПб., 2018. С. 232–233.

²⁴ Макаренко Я. И. С Россией в сердце. В. И. Ленин в Польше в 1912–1914 годах. 2-е изд., доп. М., 1970; Ермолаева Р. А., Манусевич А. Я. Ленин и польское рабочее движение. М., 1971; Бернов Ю. В., Манусевич А. Я. Ленин в Кракове. М., 1972; Зазерский Е. Я., Любарский А. В. Ленин, эмиграция и Россия: Документальное повествование. М., 1975; Очерки революционных связей народов России и Польши, 1815–1917 / под ред. В. А. Дьякова, А. Я. Манусевича, И. С. Миллера, И. А. Хренова. М., 1976; Бернов Ю. В., Манусевич А. Я. В краковской эмиграции. Жизнь и деятельность В. И. Ленина в 1912–1914 гг. М., 1988.

всего советского периода хранились в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС²⁵, советские историки могли ссылаться исключительно на публикации Ганецкого, а не на оригинальные источники. Вопрос о том, насколько эти старые публикации были адекватны с научной точки зрения, даже не ставился. Лишь однажды при цитировании некоторых документов из «подборки Ганецкого» советским историком Ю. В. Бернову и А. Я. Манусевичу удалось сослаться на собственно документы, а вернее — на их фотокопии из архива Института истории партии при ЦК Польской объединенной рабочей партии²⁶. Однако этот казус был исправлен железной цензорской рукой — при переиздании монографии были тщательно вычищены вообще все архивные ссылки²⁷.

Архивофобия советских цензоров была вполне последовательной. Незвестные материалы о событиях, связанных с арестом Ульянова в августе 1914 г., становились в целом допустимыми для использования в работах советских историков только если они уже были опубликованы — если не в Советском Союзе, то хотя бы в странах народной демократии. Так в советские изданиях появились ссылки на документы из Австрийского государственного архива, обнаруженные историком из Германской демократической республики Е. Винтером²⁸ и некоторые из опубликованных Институтом истории партии при ЦК ПОРП воспоминаний о встречах с Лениным²⁹. Допустимыми и даже обязательными для использования в научных работах, разумеется, были опубликованные в СССР воспоминания Н. К. Крупской³⁰ и С. Багоцкого³¹. А вот воспоминания Я. Ганецкого³² цитировались весьма избирательно; кроме того, при переиздании они редактировались. Некото-

---

²⁵ Перечень документов, переданных Я. Ганецким в Институт Ленина по результатам поездки в Польшу, см.: Хроника Института В. И. Ленина // Ленинский сборник. III / под ред. Л. Б. Каменева. 2-е изд. М.; Л., 1925. С. 571.

²⁶ Бернов Ю. В., Манусевич А. Я. Ленин в Кракове. М., 1972.

²⁷ Бернов Ю. В., Манусевич А. Я. В краковской эмиграции. Жизнь и деятельность В. И. Ленина в 1912–1914 гг. М., 1988.

²⁸ Winter E. Lenin-Erinnerungen in österreichischen Archiven // Zeitschrift für Slawistik. 1957. № 1.

²⁹ Polacy o Lenine. Wspomnienia / Oprac. L. Dubacki, Z. Iwańczuk, J. Sobczak. Warszawa, 1970.

³⁰ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. Части I и II. М., 1933.

³¹ Багоцкий С. О встречах с Лениным в Польше и Швейцарии. М., 1971.

³² Ганецкий Я. О Ленине. Отрывки из воспоминаний. М., 1933.

рые исследователи цитировали также воспоминания В. Краевского — несмотря на их очевидную сомнительность³³; источниковедческая критика опубликованных воспоминаний о Ленине в СССР, как правило, не проводилась.

Пусть и со сложностями, но советский историк, вознамерившийся написать про арест Ленина в австрийской Галиции, все-таки мог протащить в свою работу цитирование какого-нибудь ранее не использовавшегося в СССР источника. Однако смысловая канва повествования оставалась неизменной, как перспектива всемирной победы коммунизма. Ленина арестовывают, в его защиту выступают люди доброй воли, под их давлением австро-венгерские власти вынуждены освободить задержанного, и он уезжает в Швейцарию, навстречу не столь уж далекому октябрьскому триумфу. Неудивительно, что в рамках подобного подхода единственным доступным для советских историков способом сказать что-то ранее неизвестное было установление все новых и новых лиц, боровшихся за освобождение Ленина. Список ходатаев за Ленина непрерывно рос; в результате одно только их перечисление стало занимать почти страницу убористого текста³⁴. Возможно, их было даже больше, чем людей, несших вместе с Лениным бревно на первом субботнике в Кремле.

Однако и здесь советского историка ждали ограничения. Перечислять фамилии выступивших в поддержку Ленина было можно практически беспрепятственно (вычеркнут из списков оказался лишь основатель Института Маркса и Энгельса Д. Б. Рязанов — несмотря на то, что свидетельства об его непосредственном участии в событиях, связанных с арестом и освобождением Ленина, хранились в ИМЛ³⁵), а вот дать хоть сколь-нибудь развернутые данные об их биографии и политических связях — уже нет, даже со ссылками на работы, вышедшие в странах народной демократии. В Польской народной республике было опубликовано несколько монографий, специально посвященных польским контак-

---

³³ Краевский В. Из воспоминаний о Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1960. Т. 3.

³⁴ Очерки революционных связей народов России и Польши. С. 499.

³⁵ Рокитянский Я., Мюллер Р. Красный диссидент. Академик Рязанов — оппонент Ленина, жертва Сталина. Биографический очерк. Документы. М., 1996. С. 37. Об обращении Рязанова к австрийским социал-демократам упоминал впоследствии и Г. Е. Зиновьев (*Зиновьев Г. Е. Год революции.* С. 197.)

там Ленина³⁶, но ни одна из них не была переиздана или хотя бы развернуто процитирована в СССР. Причина подобного подхода была вполне очевидна — в противном случае пришлось бы объяснять, почему на защиту Ленина постоянно становились «оппортунисты» и «социальные шовинисты»³⁷.

Польская «лениниана» была, разумеется, гораздо свободней советской. (Чего стоила хотя бы публикация под грифом Института истории партии при ЦК ПОРП воспоминаний неоднократно общавшегося с Лениным и непосредственно причастного к его освобождению в августе 1914 г. комиссара краковской полиции³⁸, оригинал которых был безнадежно для советских историков похоронен в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма в Москве.) Однако цензурные границы существовали и в Польше.

В 1953 г. польский историк Валентина Найдус опубликовала монографию «Ленин в Польше»³⁹, в которой не только впервые обнародовала фотокопии ряда документов из «подборки Ганецкого», но и процитировала еще не опубликованные к тому времени воспоминания Ю. Рыбака, начальника краковского отделения (НК Stelle) австро-венгерской военной разведки. Намеренно, или нет, но соседство этих источников наводило внимательного читателя на весьма неортодоксальные мысли: сначала он узнавал о том, что польские депутаты австрийского рейхсрата Й. Дашиньский и З. Марек были конфиденентами начальника полиции Кракова М. Флатау, а затем — читал про то, как все трое упомянутых лиц прилагали усилия для освобождения Ленина из новотаргской тюрьмы. Читатель, знакомый не только с монографией, но и с сопутствующими статьями В. Найдус, узнавал еще больше: оказывается, Дашиньский и Марек были связаны не только с директором краковской полиции, но и с прикомандированным сотрудником местного НК Stelle комиссаром полиции Р. Крупиньским (тем са-

³⁶ *Najdus W.* Przez zieloną granicę: Na polskich szlakach leninowskiej “bibuły”. Warszawa, 1964; *Najdus W.* Lenin i Krupska w Krakowskim Związku Pomocy dla Więźniów Politycznych. Kraków, 1965; *Najdus W.* Lenin wśród przyjaciół i znajomych w Polsce, 1912–1914. Warszawa, 1977; *Najdus W.* SDKPiL a SDPRR, 1908–1918. Wrocław, 1980.

³⁷ *Ulam A.* The Bolsheviks: the intellectual and political history of the triumph of communism in Russia. New York, 1998. P. 302.

³⁸ *Krupiński R.* Oczywiście komisarza policji // *Polacy o Lenine. Wspomnienia* / Oprac. L. Dubacki, Z. Iwańczuk, J. Sobczak. Warszawa, 1970.

³⁹ *Najdus W.* Lenin w Polsce. Warszawa, 1953.

мым, воспоминания которого были впоследствии опубликованы польским Институтом истории партии)⁴⁰. В Польше, разумеется, допускалось больше, чем СССР, однако всему был предел. Может быть, с Найдус провели серьезную воспитательную беседу, а может, включился режим самоцензуры, — но в любом случае в своих последующих изданиях историк ни разу не упоминала М. Флатау, а ключевые документы «подборки Ганецкого» цитировала с допущенными еще Я. Ганецким фактическими искажениями⁴¹. А вот о взаимодействии Ленина с Польской социалистической партией (ПСС) Ю. Пилсудского В. Найдус удалось опубликовать немало интересного⁴².

Впрочем, ограничения для исследователей существовали и по этой теме. Несмотря на то, что еще в 1967 г. в Польше был опубликован фундаментальный сборник документов о связях австро-венгерских спецслужб с организациями Ю. Пилсудского⁴³, давший большой набор информации о контактировавших с Лениным лицах, его материалы даже не упоминались в польской «лениниане». За исключением В. Найдус, никто из писавших о «польских годах» Ленина местных историков не привлекал в качестве источника опубликованные воспоминания главы краковского НК Stelle Ю. Рыбака⁴⁴. А об аффилиации с военной разведкой контактировавших с Лениным полицейских чиновников стали писать лишь на исходе существования Польской народной республики⁴⁵.

---

⁴⁰ *Najdus W.* Lenin o prawie narodu polskiego do niepodległości // *Kwartalnik Historyczny*. 1953. № 2. С. 106.

⁴¹ Так, например, вслед за Я. Ганецким В. Найдус писала, что после освобождения Ленина из новотаргской тюрьмы ему было приказано явиться в Кракове к «полковнику Моравскому» (*Najdus W.* Lenin wśród przyjaciół i znajomych ... S. 363). Как один из немногих исследователей, знакомых с фотокопией оригинального документа, Найдус не могла не знать, что в нем говорится не о полковнике, а о капитане Моравском; а как человек, первым использовавший воспоминания Ю. Рыбака и неоднократно их цитировавший, она не могла не понимать, что речь идет о заместителе начальника краковского НК Stelle. Тем ни менее, Найдус воспроизвела фальсификацию Ганецкого. Ее, конечно, можно понять: даже упоминание о непосредственном общении Ленина с замначальника НК Stelle явно выходило за любые рамки дозволенного.

⁴² *Najdus W.* Przez zieloną granicę. S. 89–90, 142–43, 152–153; *Najdus W.* Lenin wśród przyjaciół i znajomych ... S. 68–71, etc.

⁴³ *Galiczyńska działalność Pilsudskiego, 1906–1914. Dokumenty / Zebr., oprac. S. Arski, J. Chudek.* Warszawa, 1967.

⁴⁴ *Pamiętniki generała Rybaka / Posł. J. Kamcewicz.* Warszawa, 1954.

⁴⁵ *Adamczewski J.* Lenin na polskiej ziemi 1912–1914. Kraków, 1987. S. 55–56.

Одним из немногих западных специалистов, уделивших специальное внимание аресту Ленина в частности, и его пребыванию в австрийской Галиции в целом, стал обосновавшийся после Второй мировой войны в США австриец С. Поссоны⁴⁶. Он совершил то, чего по понятным причинам не могли сделать советские и польские историки, — поместил пребывание Ульянова в Галиции в общий контекст австро-венгерской политики против России и пришел к очевидному выводу о том, что Ленин пользовался поддержкой австрийской военной разведки, а также сотрудничавших с ней польских организаций Ю. Пилсудского. Арест Ленина в августе 1914 г. исследователь считал быстро разрешившимся недоуразумением. Поссоны оперировал практически тем же кругом источников, что и советские историки — опубликованной в 1924 г. «подборкой Ганецкого» и документами Австрийского государственного архива, введенными в научный оборот Е. Винтером; кроме того, он привлек почему-то не использовавшуюся советскими историками переписку депутата рейхсрата В. Адлера, обнаруженную еще в 1924 г.⁴⁷

Впоследствии Поссоны, занявшись вопросами актуальной международной политики, не возвращался к данной теме и, по всей видимости, не знал о польских публикациях, подтверждавших его выводы. Удивительным образом его наблюдения о подоплеке нахождения Ленина в австрийской Галиции были проигнорированы западной историографией⁴⁸.

Выходящие в наши дни западные работы о Ленине касаются вопроса о его пребывании в австрийской Галиции чрезвычайно поверхностно, допуская абсурдные ошибки. Э. Каррер д'Анкосс, например, абсолютно безосновательно утверждает, что «для австрийских властей Ленин вовсе не был особо желанным гостем»⁴⁹, Ш. МакМекин утверждает, что августе 1914 г. Ленин был арестован «краковской полицией» и освобожден «специальным приказом военного министра Габсбургов»⁵⁰, а Х. Раппопорт бестрепет-

---

⁴⁶ *Possony S. Lenin. The Compulsive Revolutionary. London, 1966.*

⁴⁷ *Lenin als russischer Spion und als deutscher Agenten. Briefe aus der Kriegszeit von Viktor Adler, Lenin und anderen // Arbeiter-Zeitung. 1924. № 110 (20 apr.).*

⁴⁸ См., напр.: *Пайнс Р. Русская революция / пер. с англ. М., 2005. Т. 2; Service R. Lenin. A Biography. Harvard, 2000.*

⁴⁹ *Каррер д'Анкосс Э. Ленин. 4-е изд. / пер. с франц. А. Н. Скобелкина. М., 2017. С. 160.*

⁵⁰ *McMeekin S. The Russian Revolution: A New History. New York, 2017. P. 217.*

но цитирует заведомо ложные воспоминания советского разведчика Л. Треппера о том, как тот якобы наблюдал конвоирование Ленина в тюрьму Нового Тарга⁵¹.

Не так давно к сюжету о пребывании Ленина в австрийской Галиции специально обратилась германская исследовательница Е. Фляйшхауэр⁵². Однако каких-либо новых источников в ее работе использовано не было, а присущая данному автору безудержная конспирология и чрезвычайно вольное обращение с цитируемыми источниками⁵³ обесценила все сделанные ею здравые наблюдения, — весьма, впрочем, немногочисленные.

Другую крайность демонстрируют австрийские исследователи В. Мориц и Х. Ляйдингер, авторы новейшей биографии Ленина⁵⁴. Аккуратно перечислив все доводы общего характера в пользу предположения о сотрудничестве лидера РСДРП с австро-венгерскими властями, австрийские авторы пишут, что доказательства этому нет⁵⁵. При этом парадоксальным образом ими игнорируются абсолютно все опубликованные источники (в том числе вышедшие в СССР), а история ареста и освобождения Ленина в августе 1914 г. вообще не удостоена внимания на страницах биографии⁵⁶.

Еще более впечатляющий подход мы видим в работах отечественного исследователя В. Т. Логинова — бывшего сотрудника Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, в постсоветское время получившего пожизненную должность в Горбачев-фонде. В трехтомнике о вожде революции, переизданном под одной обложкой под названием «В. И. Ленин. Полная биография», он во-

---

⁵¹ *Rapport H. Conspirator: Lenin in Exile. London, 2009. P. 230–231.*

⁵² *Фляйшхауэр Е. Русская революция: Ленин и Людендорф (1905–1917) / пер. с нем. Л. Ю. Пантиной. М., 2020.*

⁵³ *Ланник А. В. Fleischhauer, E. I.: Die Russische Revolution — Lenin und Ludendorff (1905–1917) // Recensio Moskau 2018–2019; Бахурин Ю. А. Шпиономания как метод: увлекательный путеводитель по мастерской историка-конспиролога // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2022. № 3.*

⁵⁴ *Moritz V, Leidinger H. Lenin. Die Biografie: Eine Neubewertung. Wien, 2023.*

⁵⁵ *Ibid. S. 271–273.*

⁵⁶ Интересно, что в более ранней работе те же авторы упоминали об этом аресте, отмечая, что быстрое освобождение Ленина было случаем неординарным (*Moritz V, Leidinger H, Jagschitz G. Im Zentrum der Macht. Die vielen Gesichter des Geheimdienstchefs Maximilian Ronge. Wien, 2007. S. 127*). Однако развивать эту мысль в биографии Ленина они почему-то не стали.

обще не упомянул о краковском периоде жизни Ленина⁵⁷ — даже в пределах советского стандарта. Чтобы два года жизни героя были проигнорированы биографом как небывшие — с таким приходится встречаться нечасто. А поскольку работы Логинова отличаются нескрываема политическая ангажированность и апологетика Ленина, трудно отделаться от мысли, что демонстративное нежелание касаться «галицийского» сюжета носило для автора вполне рациональный характер⁵⁸.

Как видим, вековая история изучения ареста Ленина в австрийской Галиции в августе 1914 г. оказалась не особенно продуктивной. Хотя некоторые современные российские исследователи и утверждают, что данный сюжет «давно описан»⁵⁹, подобные заявления — не более чем заблуждение, свидетельствующее об отсутствии владения как историографией, так и источниковой базой по данной тематике.

Настоящая работа является попыткой исправить сложившуюся ситуацию, она основана на источниках из пяти архивохранилищ, находящихся в России, Польше, Австрии и США.

Основной работы являются источники из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), бывшего Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В этом архиве отложились собранные сотрудниками Института марксизма-ленинизма ценнейшие материалы — оригиналы делопроизводственных документов краковской полиции, НК Stelle, окружного управления Нового Тарга и военно-прокуратуры из «подборки Ганецкого»⁶⁰, а также ксерокопии документов австрийского Министерства внутренних дел и Управления военного контроля из фондов Ав-

---

⁵⁷ Логинов В. Т. В. И. Ленин. Полная биография. М., 2018.

⁵⁸ Заподозрить В. Т. Логинова в некомпетентности по данному сюжету невозможно: еще в 1960-х гг. он выступал в качестве научного консультанта фильма «Ленин в Польше» (Габрилович Е. Из опыта сценарной работы над образом Ленина // Ленин в Польше: Фильм о счастливом человеке. Литературный сценарий. Статьи о фильме. Пресса о фильме. М., 1968. С. 106), а позднее посвятил «краковскому» периоду жизни Ленина немало страниц своей монографии: Логинов В. Т. Ленинская «Правда» (1912–1914 гг.). М., 1972. Интересующие нас проблемы, впрочем, были проигнорированы и в этой книге.

⁵⁹ Соболев Г. А. Тайный союзник. Русская революция и Германия, 1914–1918. СПб., 2009. С. 140.

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 13; Ф. 4. Оп. 3. Д. 38.

стрийского государственного архива⁶¹. Как показали специально предпринятые нами изыскания в Австрийском государственном архиве, оригиналы документов МВД и КЮА⁶² были изъяты из первоначальных единиц хранения⁶³ и к настоящему времени их местонахождение неизвестно. Это делает сохранившиеся в РГАСПИ копии особо ценными для исследователей. Также в фондах РГАСПИ отложились оригиналы источников личного происхождения (как опубликованных, так и неопубликованных) по теме настоящей публикации⁶⁴.

В фондах польского Архива современных документов (Archiwum Akt Nowych, AAN) отложились документы о пребывании В. И. Ульянова в Галиции, собранные Институтом истории партии при ЦК ПОРП. В основном они являются фотокопиями отложившейся в РГАСПИ «подборки Ганецкого», однако часть делопроизводственных документов краковского НК Stelle не имеет соответствий в изученных нами делах РГАСПИ и является уникальной⁶⁵. Не менее важными являются и собранные в AAN источники личного происхождения, отсутствующие в РГАСПИ⁶⁶.

В личном фонде последнего начальника австро-венгерской военной разведки Максимилиана Ронге в Австрийском государственном архиве (Österreichisches Staatsarchiv, ÖStA) в деле с подготовительными материалами к книге «Военный и промышленный шпионаж»⁶⁷ нам удалось найти дополнительное свидетельство об аресте Ленина.

Среди документов, хранящихся в архиве венской Ассоциации истории рабочего движения (Verein für Geschichte der ArbeiterInnenbewegung, VGA), нами было обнаружено письмо главы австрийской социал-демократической партии В. Адлера с воспоминаниями об его обращении к министру внутренних дел Австро-Венгрии с ходатайством об освобождении Ленина⁶⁸.

---

⁶¹ Там же. Ф. 4. Оп. 3. Д. 48.

⁶² Архивные легенды приведены в: Шуттой В. Е. Документы по истории СССР в Австрийском государственном архиве // Вопросы истории. 1963. № 9.

⁶³ ÖStA. NHStA PA XL Interna. Karton 187–190; KA ZSt KM KÜA. Akten 3. 1081–1860.

⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 70; Оп. 2. Д. 115, 2461, 2508.

⁶⁵ AAN. 2/1232/0/1/78/I/1.

⁶⁶ Ibid. 2/1232/0/2/78/II/1, 10.

⁶⁷ ÖStA. KA NL. Bl. 126. Teil B: 29a-b.

⁶⁸ VGA. Adler Archiv. M128/T1.

Наконец, в Архиве Института Пилсудского в Америке (Archiwum Instytutu Józefa Piłsudskiego w Ameryce, AIJPA) сохранилось уникальное дело с оперативными документами краковского НК Stelle, посвященными взаимодействующей австрийской военной разведки с военизированными организациями Ю. Пилсудского⁶⁹.

Поскольку со времен появления сфальсифицированных «документов Сиссона»⁷⁰ любое упоминание о сотрудничестве В. И. Ульянова со спецслужбами Централных держав неизбежно вызывает восклицание «да все это фальшивки!», — представляется немаловажным отметить, что подавляющее большинство публикуемых документов было собрано Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Институтом истории партии при ЦК ПОРП, то есть организациями, менее всего заинтересованными в дискредитации образа «вождя мировой революции» и принятии на хранение фальшивок. Провенанс (история бытования) каждого из публикуемых документов понятен и не вызывает каких-либо сомнений в их подлинности.

На наш взгляд, вводимые в научный оборот материалы свидетельствуют, что сотрудничество В. И. Ульянова с австро-венгерскими спецслужбами во время его нахождения в австрийской Галиции, безусловно, имело место, — и что благодаря этому сотрудничеству Ульянов был столь быстро освобожден из-под ареста в августе 1914 г. и выехал в Швейцарию.

Современные историки отмечают, что «вопреки позднейшим описаниям почти сельской спокойной жизни, во многом напоминавшей Ленину и Крупской их родину, Краков был важным военным городом, а также одним из главных разведывательных центров австро-венгерской армии. Этот сонный уголок, — так описывалась Галиция в австрийской литературе, — для австро-венгерских разведчиков была прежде всего “горячей точкой” шпионажа»⁷¹. Приведенная характеристика полностью отвечает действительной оперативной обстановке в регионе.

К моменту переезда В. И. Ульянова летом 1912 г. в Краков на территории австрийской Галиции действовала весьма эффективная система австро-венгерских разведывательных и контрраз-

---

⁶⁹ AIJPA. Т: 701/1/108.

⁷⁰ Kennan G. The Sisson Documents // Journal of Modern History. 1956. № 2; *Смартцев В. И.* Немецкие деньги и русская революция. Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. СПб., 2006.

⁷¹ Moritz V., Leidinger H. Lenin. Die Biografie. S. 271.

ведывательных органов, деятельность которых была направлена против России (ее детальное описание представлено в монографии польского историка Р. Швентека⁷²). Ключевым элементом этой системы в Кракове являлось подчиненное разведывательному бюро (Эвиденцбюро) Генерального штаба местное отделение военной разведки (НК Stelle), с 1909 г. возглавляемое капитаном Генерального штаба Ю. Рыбаком⁷³ и отвечавшее как за разведывательную, так и контрразведывательную работу в зоне своей ответственности.

Для работы в НК Stelle на постоянной основе прикомандировывались сотрудники государственной полиции, таможенной пограничной стражи, жандармерии, суда и прокуратуры, что позволяло задействовать в интересах военной разведки силы упомянутых служб. Помимо этого, контрразведывательную деятельность в пределах Краковского укрепленного и контроль за действовавшими в Кракове политическими партиями осуществляла местная государственная полиция, возглавляемая М. Флатау⁷⁴. Стоит отметить, что сотрудничество директора полиции Кракова с военной разведкой было настолько плотным, что в 1913 г. начальник Генерального штаба по ходатайству руководства Эвиденцбюро представил Флатау к государственной награде⁷⁵.

В своей оперативной деятельности краковское НК Stelle прежде всего опиралось на сеть нелегальных (в России), полулегаль-

---

⁷² Świątek R. *Lodowa ściana. Sekrety polityki Józefa Piłsudskiego, 1904–1918*. Kraków, 1998.

⁷³ Формальным начальником НК Stelle по совместительству являлся начальник отдела Генерального штаба (Genralstababteilung) корпуса, которому подчинялись первый и второй офицеры разведки (*Gaul J.* Akta c. i k. Komendy I Korpusu i Komendy Wojskowej w Krakowie (1883–1918) w zbiorach Archiwum Głównego Akw Dawnych w Warszawie // *Krakowski Rocznik Archiwalny XI*. Kraków, 2005. S. 122). Фактическим начальником подразделения был первый офицер разведки; начальники отделов Генерального штаба корпусов даже не упоминаются в описании структуры австро-венгерской военной разведки (ÖStA. KA NL. Bl. 126. Teil A: 1). В соответствии с устоявшейся историографической практикой мы именуем первого офицера разведки начальником НК Stelle, а второго офицера разведки — заместителем начальника. Начальником отдела Генерального штаба I корпуса в Кракове с 1909 г. был полковник Альфред Кохановский фон Ковинау (*Alfred Kochanowski von Korwinau, 1866–1930*).

⁷⁴ *Mataniak M.* Zadania c. k. Dyrekcji Policji w Krakowie i ich realizacja w świetle korespondencji urzędowej Namiestnictwa galicyjskiego z okresu rządów konstytucyjnych w Austrii (1867–1914) // *Krakowskie Studia z Historii Państwa i Prawa*. 2019. № 1 (12). S. 73.

⁷⁵ ÖStA. KA NL. Bl. 126. Teil A: 1. S. 230.

ных и легальных (в Австро-Венгрии) польских антироссийских организаций, контролировавшихся Ю. Пилсудским (в первую очередь речь идет о ППС и «Союзе активной борьбы»)⁷⁶. Взамен на разведывательные и контрразведывательные услуги австрийская военная разведка давала Пилсудскому гарантии безопасности, обеспечивала беспрепятственную контрабанду пропагандистской литературы и оружия в Россию, а также предоставляла возможность легальной подготовки на территории Галиции парамилитарных формирований для подрывной деятельности на территории России во время будущей войны.

Стоит отметить, что благодаря сотрудничеству с организацией Пилсудского краковскому (а также львовскому) НК Stelle удалось организовать эффективный контрразведывательный режим в зоне своей ответственности. Ю. Рыбак впоследствии констатировал: «Благодаря Пилсудскому было поймано, разоблачено и предано суду большое количество русских шпионов»⁷⁷. О проблемах, проистекающих для русской военной разведки из-за «широко развитого в Австро-Венгрии контр-шпионства», говорится и докладной записке штаба Киевского военного округа по итогам 1912 г.⁷⁸

Опубликованные свидетельства Ю. Рыбака⁷⁹ позволяют разобрататься в хитросплетениях оперативной деятельности австро-венгерских спецслужб. Рыбак поименно перечисляет кадровый и прикомандированный состав НК Stelle (в том числе заместителя начальника НК Stelle капитана Л. Моравского и прикомандированного комиссара полиции Р. Крупиньского), ключевых агентов военной разведки в польских националистических организациях (в том числе лидеров ППС Ю. Пилсудского и В. Йодко-Наркевича), а также «салоны» в Вене и Кракове, использовавшиеся в качестве явочных адресов военной разведки. Существенное значе-

---

⁷⁶ Краткий обзор этого сотрудничества на русском языке дан в работах: *Матвеев Г. Ф.* Пилсудский. М., 2008; *Зданович А. А.* Польский крест советской контрразведки. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2019. С. 12–26. Исчерпывающее описание представлено в упомянутом выше исследовании Р. Швентека и монографии: *Gaul J.* Na tajnym froncie: Działność wywiadowczo-informacyjna obozu niepodległościowego w latach 1914–1918. Warszawa, 2001.

⁷⁷ *Świątek R.* Lodowa ściana. Sekrety polityki Józefa Piłsudskiego. S. 522.

⁷⁸ *Алексеев М.* Военная разведка России ... Кн. II. С. 188.

⁷⁹ *Pamiętniki generała Rybaka / Pośl. J. Kamcewicz.* Warszawa, 1954. S. 19–23, 72; *Stawecki P.* Protokoły przesłuchania generała Rybaka // *Dzieje najnowsze.* 1992. № 4. S. 94–95.

ние также имеет рассказ Ю. Рыбака о конфидентах директора полиции Кракова М. Флатау из числа лидеров дружественной ППС легальной Польской социал-демократической партии (ППСД) — депутатов австрийского рейхсрата И. Дашиньского и З. Марека. Согласно данным российской разведки, обнародованным в 1910 г. через киевского журналиста А. Савенко⁸⁰, с австрийскими спецслужбами наряду с И. Дашиньским был связан и депутат рейхсрата Г. Диаманда, являвшийся основателем ППСД. Связь Диаманда с австро-венгерской разведкой прямо подтверждается документами Эвиденцбюро: когда в 1915 г. по политическим причинам спецслужба была вынуждена отказаться от поддержки антироссийского «Союза освобождения Украины», для поддержания неформальных контактов с «Союзом» был направлен именно этот депутат рейхсрата⁸¹.

Воспоминания соратников В. И. Ульянова — Н. К. Крупской, Г. Е. Зиновьева и Я. Ганецкого, а также краковских обывателей — С. Вошчиньской и А. Марек-Рутковской позволяют увидеть перечисленных выше лидеров ППС и ППСД с другой, довольно неожиданной, стороны — не только как конфиденгов австрийской военной разведки и полиции, но и как покровителей Ульянова, неизменно ходатайствовавших за него перед австро-венгерскими властями.

Перед переездом Ульянова в Краков confident директора полиции Кракова И. Дашиньский выяснял, сможет ли лидер РСДРП воспользоваться защитой властей Австро-Венгрии в случае запроса на выдачу со стороны России⁸², он также лично встречался с лидером РСДРП сразу после переезда и помогал ему решать некие во-

---

⁸⁰ Савенко А. Заметки. СМ // Киевланин. 1910. № 117 (29 апр.). Цитируемая статья была инициирована российской военной разведкой и содержала подобные и отвечавшие действительности сведения о соглашении, достигнутом между ППС Пилсудского и австрийской военной разведкой. По мнению современного польского исследователя, статья основывалась на информации, переданной русской разведке предателем — высокопоставленным сотрудником Эвиденцбюро А. Редлем (*Świętek R. Lodowa ściana. Sekrety polityki Józefa Piłsudskiego. S. 496–500; см. также: Ливен Д. Навстречу огню. Империя, войны и конец царской России / пер. с англ. П. С. Бавина. М., 2017. С. 364–365*).

⁸¹ Schubert P. Die Tätigkeit des k. u. k. Militärattachés in Bern während des Ersten Weltkriegs. Osnabrück, 1980. S. 29–30.

⁸² Ганецкий Я. О Ленине. Отрывки из воспоминаний. М., 1933. С. 8; *Hanecki J. Od 1903 roku ... // Polacy o Lenine. Wspomnienia / Oprac. L. Dubacki, Z. Iwańczuk, J. Sobczak. Warszawa, 1970. S. 11–12.*

просы с полицией⁸³. Впоследствии контакты с краковской полицией в интересах Ульянова на постоянной основе осуществлял еще один конфиденент директора полиции Кракова, З. Марек⁸⁴. Конфидент австро-венгерской военной разведки В. Йодко-Наркевич лично встречался с Ульяновым⁸⁵, тогда как контакты лидера РСДРП с главой подчиненной военной разведке польской подпольной сети Ю. Пилсудским были непубличными⁸⁶. При этом, согласно признанию Г. Е. Зиновьева, ППС Пилсудского обеспечивала Ленину и его товарищам «полицейскую безопасность» в Кракове⁸⁷.

Согласно воспоминаниям Н. К. Крупской, в период нахождения в австрийской Галиции одним из наиболее близких к В. И. Ульянову людей стал С. Багоцкий, помогавший «во всех жизненных и конспиративных делах»⁸⁸. Багоцкий занимал должность секретаря Краковского союза помощи политическим заключенным (КСППЗ) — легальной внепартийной организации помощи российским революционерам, чей устав был утвержден Наместничеством Галиции во Львове⁸⁹. Создателями этой организации были уже упоминавшиеся конфидененты директора краковской полиции И. Дашиньский и З. Марек; последний также бессменно занимал должность председателя Союза. Заместителем председателя КСППЗ был Б. Дробнер — владелец химической лабора-

⁸³ *Woszczyńska S.* W redakcji «Naprzódu» // *Polacy o Lenine. Wspomnienia* / Oprac. L. Dubacki, Z. Iwańczuk, J. Sobczak. Warszawa, 1970. S. 189–190.

⁸⁴ *Marek-Rutkowska A.* W kancelarii krakowskiego adwokata // *Polacy o Lenine. Wspomnienia.* Warszawa, 1970. S. 201. Адрес конторы З. Марек записан в адресной книге Н. К. Крупской с пометкой «для связи» (Адресные книги ЦК РСДРП (1912–1917 гг.). Документы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС / подг., предисл. В. Т. Логинова, В. Н. Степанова, З. Н. Тихоновой // Исторический архив. 1959. № 3. С. 37).

⁸⁵ *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 191.

⁸⁶ О встречах Ульянова и Пилсудского впоследствии упоминал вдова последнего (*Possony S.* *Lenin. The Compulsive Revolutionary.* P. 160). Рассказывая о неоднократных пересечениях Ленина и Пилсудского в одном и том же кафе, Г. Е. Зиновьев пишет: «официального знакомства не было» (*Зиновьев Г. Е.* Воспоминания // *Известия ЦК КПСС.* 1989. № 6. С. 193). Стоит заметить, впрочем, что в воспоминаниях Зиновьева нет ничего и о контактах Ленина с Дашиньским и З. Марек; судя по всему, Ленин не считал необходимым сообщать о них своему товарищу.

⁸⁷ *Зиновьев Г. Е.* Воспоминания. С. 192–193.

⁸⁸ *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 183–184.

⁸⁹ *Najdus W.* *Polska Partia Socjalno-Demokratyczna Galicji i Śląska, 1890–1919.* Warszawa, 1983. S. 560–561; *Najdus W.* *Ignacy Daszyński, 1866–1936.* Warszawa, 1988. S. 265.

тории в Кракове, изготавливавший бомбы для боевиков Пилсудского и контактировавший с прикомандированным сотрудником краковского НК Stelle комиссаром полиции Р. Крупиньским⁹⁰. Столь значительная концентрация в руководстве КСППЗ конфиденентов австро-венгерских спецслужб, не позволяет усомниться, что создание данной организация была «активкой» австрийских властей, направленной на поддержку революционного движения в Россию и проведение антиросийской пропаганды.

Доступная нам информация свидетельствует, что и секретарь КСППЗ С. Багоцкий не был чужим для боевиков Пилсудского и австро-венгерских спецслужб. В октябре 1910 г. он был арестован краковской полицией по делу об убийстве членами подпольного «Союза активной борьбы» своего товарища, подозреваемого в сотрудничестве с российской охранкой⁹¹. Дело было передано в уголовный суд, однако после обращения лидеров ППСД в Наместничество Галиции во Львове и Министерство внутренних дел в Вене Багоцкий был освобожден и на короткое время выехал за границу Австро-Венгерской империи. Это дало возможность суду приостановить уголовное дело⁹². После возвращения Багоцкого в Краков уголовное дело против него не возобновили, и в декабре 1910 г. он стал секретарем КСППЗ. Исследователями установлено, что в прекращении дел арестованных одновременно с Багоцким членов «Союза активной борьбы» активное участие принимало краковское НК Stelle⁹³. Не приходится сомневаться, что и Багоцкий получил поддержку от этой отзывчивой на помощь структуры.

После приезда Ульянова в Галицию Багоцкий «отвечал за изготовление паспортов, пересечение границ, редактирование, транспортировку и распространение в России с использованием чемоданов с двойным дном, а также через сети контрабандистов»⁹⁴. Автор биографии Багоцкого справедливо отмечает, что «эта работа требовала большой осторожности и вкуса к секретности»⁹⁵; не менее важной была и поддержка местной полиции.

---

⁹⁰ Galicyjska działalność Pilsudskiego ... S. 472–473.

⁹¹ Naprzód. 1910. № 226 (2 paźd.). S. 1.

⁹² Najdus W. Zygmunt Marek: prawnik i polityk, 1872–1931. Warszawa, 1992. S. 70; Galicyjska działalność Pilsudskiego ... S. 545

⁹³ Świętek R. Lodowa ściana. Sekrety polityki Józefa Pilsudskiego. S. 520–521.

⁹⁴ Fayet J.-F. VOKS: le laboratoire helvétique. Histoire de la diplomatie culturelle soviétique durant l'entre-deux-guerres. Genève, 2014. P. 60.

⁹⁵ Ibid.

Помощь ППС и связанных с ними организаций Ульянову не ограничивалась обеспечением «полицейской безопасности». Как обоснованно указал американский исследователь С. Поссо-ни⁹⁶, ППС также так или иначе контролировала использовавшие-ся В. И. Ульяновым и его товарищами нелегальные маршруты че-рез австрийско-российскую границу. Так, например, Ульянов в своей нелегальной деятельности использовал организованную Н. В. Крыленко в приграничных районах российской Польши явочную сеть. Эта сеть состояла из преподавателей и учеников частных польских гимназий, в том числе гимназии, возглавляе-мой членом ППС В. Куницким⁹⁷. Другой нелегальный маршрут через российско-австрийскую границу, записанный Н. К. Круп-ской и использовавшийся «гостями» Ульянова, контролиро-вался членом ППС и одним из организаторов КСППЗ Я. Ма-ковским⁹⁸. Установлено как минимум два случая, когда контра-бандисты ППС Пилсудского одновременно перевозили через российскую границу как нелегальную литературу ППС, так из-дания аффилированной с РСДРП «разламовской» фракции СДКПиЛ, — причем как минимум в одном случае переброску литературы через границу контролировал близкий ленинский соратник Я. Ганецкий⁹⁹.

Кроме того, «люди Пилсудского» помогали большевикам ор-ганизовать пересылку корреспонденции на территорию России¹⁰⁰, а также предоставляли конспиративные адреса для приема кор-респонденции в Кракове. Одним из них был обозначенный в ве-дшейся Н. К. Крупской адресной книги ЦК РСДРП (б) адрес адъ-юнкта Ягеллонского университета, члена ППС Яна Коваля. Этот адрес использовался для приема корреспонденции с осени 1912 до 1914 г.¹⁰¹, то есть на протяжении всего нахождения Ульянова в Галиции; в ряде случаев Ульянов заходил за присланными ему письмами лично. В той же адресной книге ЦК РСДРП мы нахо-

---

⁹⁶ *Possony S. Lenin. The Compulsive Revolutionary. P. 162.*

⁹⁷ *Najdus W. Lenin wśród przyjaciół i znajomych ... S. 68–71.*

⁹⁸ *Ibid. S. 311–314; Najdus W. SDKPiL a SDPRR, 1908–1918. S. 264; Najdus W. Przez zieloną granicę. S. 152–153.*

⁹⁹ *Najdus W. Przez zieloną granicę. S. 142–143; Fayet J.-F. VOKS: le laboratoire helvétique. P. 60.*

¹⁰⁰ *Сервис Р. Ленин / Пер. с англ. Г. И. Левитан. Минск, 2002. С. 242.*

¹⁰¹ *Najdus W. Przez zieloną granicę. S. 89–90; Адресные книги ЦК РСДРП (1912–1917 гг.). С. 34.*

дим еще более поразительный пример: один из записанных в книге конспиративных адресов («Г-ну Свачина, ул. Дольне Млыны, 9, Краков») приводит нас в штаб краковского отдела союзной Пилсудскому парамилитарной организации «Польские дружины стрелецкие»¹⁰².

В мае–октябре 1913 и в мае–августе 1914 гг. Ульянов с женой и тещей проживали на даче в деревне Белый Дунаец, недалеко от горного курорта Закопане. Место для летнего отдыха Ульянову присоветовал И. Дашиньский¹⁰³ и оно также было неслучайным. Автор одной из западных биографий Ленина пишет: «В летние месяцы Закопане становилось неофициальной региональной столицей польской интеллектуальной жизни. Не случайно также, что лидер националистов Юзеф Пилсудский... имел дом недалеко от того места, где в Белом Дунайце жил Ленин»¹⁰⁴. В Закопане проживал и старший брат Пилсудского Бронислав, некогда вместе со старшим братом В. И. Ульянова Александром готовивший покушение на императора Александра III¹⁰⁵. Посещали Поронин — как раз тогда, когда там обретался Ульянов — и Дашиньский, и его товарищ по партии Г. Диамант¹⁰⁶.

Секрет привлекательности Закопане для польских националистов, был, конечно, вовсе не в насыщенности местной интеллектуальной жизни. Окрестности Закопане и подгалянский регион в целом были для ППС базой для подготовки боевиков и проведения тайных мероприятий — так, именно, в Закопане 25–26 августа 1912 г. состоялся созванный по инициативе Пил-

---

¹⁰² Адресные книги ЦК РСДРП (1912–1917 гг.). С. 34; *Cisek J. Józef Piłsudski w Krakowie*. Kraków, 2003. S. 24–25. Польский историк В. Найдус идентифицировала упомянутого в записи «Г-на Свачина» как Яна Свачина (*Jan Swaczyna*), выпускника частной польской гуманитарной гимназии в Люблине, студента Ягеллонского университета и члена действовавшей в Кракове студенческой организации «Spójnia» (*Najdus W. Przez zieloną granicę*. S. 129–130; *Najdus W. Lenin wśród przyjaciół i znajomych...* S. 285). После начала Первой мировой войны Я. Свачина служил в австро-венгерской армии рядовым конной артиллерии 1-й бригады польских легионеров под командованием Ю. Пилсудского, во время советско-польской войны работал в инфекционном госпитале, скончался от брюшного тифа (*Zembrzowski L. Złota księga Korpusu sanitarnego polskiego, 1797–1918*. Warszawa, 1927. S. 143).

¹⁰³ *Woszczynska S. W redakcji "Naprzódu"*. S. 189–190.

¹⁰⁴ *Rappoport H. Conspirator: Lenin in Exile*. P. 218–219.

¹⁰⁵ *Cisek J. Józef Piłsudski w Krakowie*. S. 16.

¹⁰⁶ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 115. Л. 16.

судского Первый съезд польских ирредентистов¹⁰⁷, а в 1913 г. на территории региона прошла первая летняя школа Стрелкового союза¹⁰⁸. Сеть Пилсудского также осуществляла в интересах австро-венгерской военной разведки контрразведывательную деятельность в Закопане¹⁰⁹, так что более закрытого для работы российских спецслужб места в Галиции было не найти. Вполне закономерным в этой связи выглядит тот факт, что именно в Закопане и соседнем Поронине в 1913–1914 гг. регулярно и беспрепятственно проходили организуемые В. И. Ульяновым заседания и совещания членов ЦК РСДРП (б), планировалось проведение партийной школы и даже — в августе 1914 г. — съезда РСДРП.

Концентрация вокруг В. И. Ульянова связанных с австро-венгерскими спецслужбами членов ППС и ППСД, бескорыстная поддержка, которую они оказывали лидеру РСДРП в его деятельности, производит сильное впечатление. Неудивительно, что в отчете краковского НК Stelle РСДРП обозначалась как союзная ППС организация¹¹⁰.

В. И. Ульянов также поддерживал прямые контакты с краковским НК Stelle. Он неоднократно лично встречался с прикомандированным сотрудником НК Stelle комиссаром полиции Р. Кру-

---

¹⁰⁷ АИРА, Т: 701/1/108, к. 16–18; *Cisek J. Józef Piłsudski w Krakowie*. S. 36.

¹⁰⁸ Суля В. Юзеф Пилсудский / Пер. с польск. М. Крисань, Н. Ярцев. М., 2009. С. 110.

¹⁰⁹ *Świątek R. Lodowa ściana. Sekrety polityki Józefa Piłsudskiego*. S. 648.

¹¹⁰ АИРА, Т: 701/1/108, к. 14. История сотрудничества В. И. Ульянова с ППС еще ждет своего исследователя. На наш взгляд, значимой вехой этого сотрудничества стала публикация в феврале 1906 г. в центральном органе ППС обширной статьи Ульянова, в которой утверждалось, что «русский абсолютизм не мог бы просуществовать и дня, если бы не угнетал «инородцев» и за счет этого угнетения не наладил бы мирного сосуществования с привилегированными классами русского народа» (*Hasła polityczne chwili obecnej // Robotnik. Organ Polskiej Partji Socjalistycznej*. 1906. № 75 (7 lut.). S. 1–3; в советские собрания сочинений Ленина не статья включалась). Впоследствии этой статье публично оппонировала лидер Социал-демократии Королевства Польского и Литвы Р. Люксембург (*Luxemburg R. Kwestja narodowościowa i autonomja: I. Prawo narodów do stanowienia o sobie // Przegląd socjaldemokratyczny. Organ Socjaldemokracji Królestwa Polskiego i Litwy*. 1908. № 6). См. также замечания Р. Люксембург о близости «вождистских» подходов Ленина и руководства «революционной фракции» ППС (то есть Пилсудского): *Rozbicie jedności w S. D. P. R. R. // Czerwony Sztandar*. 1912. № 188 (lip.). S. 2–3; *Schütrumpf J.* «Mit den Leninisten können wir nicht weiter zusammengehen ...» oder: Wie Lenin Rosa Luxemburg «biesiegte». Berlin, 2022. S. 5–6).

пиньским и посещал его канцелярию в краковской крепости¹¹¹. Небезынтересным представляется тот факт, что Ульянов также посещал то самое кафе Бизанца, которое использовалось краковским НК Stelle в качестве явочного адреса¹¹².

Внедренный русской политической полицией в ЦК РСДРП провокатор Р. В. Малиновский, впоследствии казненный по приговору Верховного трибунала ВЦИК, информировал своих кураторов в российском Департаменте полиции о последствиях этой связи: «Ленин настолько, по словам Малиновского, был аккредитован доверием со стороны австрийского правительства, что его письменные удостоверения с ручательством за то или другое лицо имели гораздо более значения, чем всякие посольские или консульские удостоверения для австрийских властей. Малиновский Ленина прозвал нашим консулом в Австрии. Малиновский мне также говорил, что вся литература пропускалась в нашу границу со стороны Австрии вполне свободно, если провожавшее лицо имело от Ленина пропуск... В Австрии наблюдение за всяким приезжавшим из России... было сильно стеснено и такое лицо было окружаемо большим филерным наблюдением, причем Малиновский говорил, что если в таких случаях наш русский путешественник обращался к Ленину, то наблюдение снималось»¹¹³.

Сообщения Малиновского подтверждают документы: после обращения Ульянова к прикомандированному сотруднику НК Stelle Р. Крупиньскому было прекращено осуществляемое агентом НК Stelle Б. Карчем наблюдение за прибывшими в Краков большевиками В. Г. Шумкиным, М. К. Мурановым и Р. В. Малиновским¹¹⁴. О «ручательстве» Ульянова за приехавшего из России большевика В. Г. Шумкина перед полицией вспоминала также Н. К. Крупская¹¹⁵.

Впоследствии, несмотря на усиленный контрразведывательный режим, действовавший в австрийской Галиции с 9 октября

---

¹¹¹ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 2508. Л. 1об.-3; *Krupiński R. Oczyma komisarza policji // Polacy o Lenine. Wspomnienia / Oprac. L. Dubacki, Z. Iwańczuk, J. Sobczak. Warszawa, 1970. S. 244–245.*

¹¹² *Stawecki P. Protokoły przesłuchania generała Rybaka. S. 94–95; Зиновьев Г. Е. Воспоминания. С. 192–193.*

¹¹³ Дело провокатора Малиновского. М., 1992. С. 110, 122.

¹¹⁴ ААН, 2/1232/0/1/78/1/1, к. 2–7; РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 2508. Л. 1об. — 3.

¹¹⁵ *Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 183–184.*

1912 по 20 сентября 1913 гг. в связи с угрозой войны с Россией¹¹⁶, ни один из многочисленных нелегалов, приехавших к Ульянову из России как в это время, так и позднее, не столкнулся с проблемами при пересечении австрийской границы — невзирая на то, что передвижение между российской Польшей и австрийской Галицией было максимально затруднено пограничными службами¹¹⁷. «В полицейском отношении здесь много лучше, чем, напр., в Париже, — писала в феврале 1913 г. Крупская. — Приезжая публика возвращается восвояси благополучно»¹¹⁸. Беспрепятственно осуществлялась и контрабанда в Россию изданий РСДРП — которые, кстати, печатались в Кракове абсолютно легально, в типографии Ю. Фишера¹¹⁹.

С учетом вышеизложенного арест Ульянова 8 августа 1914 г., выглядит безусловным недоразумением, вызванным исключительно всплеском шпиономании после объявления войны России. Начальник жандармского пункта в Поронине Л. Матыщук, совершенно очевидно не веривший в причастность Ульянова к русскому шпионажу¹²⁰, после получения доноса служжан-

---

¹¹⁶ Świątek R. *Lodowa ściana. Sekrety polityki Józefa Piłsudskiego*. S. 585–586, 588; *Mataniak M. Zadania c. k. Dyrekcji Policji w Krakowie ...* S. 73–74.

¹¹⁷ *Najduś W. Przez zieloną granicę*. S. 136.

¹¹⁸ *Ермолаева Р. А., Манусевич А. Я.* Ленин и польское рабочее движение. С. 297.

¹¹⁹ Как отмечают польские исследователи, «в найденном в 1953 г. краковском архиве Ленина были обнаружены ... счета за печатание листовок у Юзефа Фишера на ул. Гродской, 62. Листовки легально печатались в Кракове, а потом Ленин нелегально отправлял их за кордон, в Россию» (Ленин в Кракове / сост. Я. Адамчевский, Ю. Поцеха; Предисл. В. Наметковича. *Krakow*, 1974. С. 216; *Adamczewski J. Lenin na polskiej ziemi ...* S. 10). Адрес типографии Ю. Фишера имеется в записных книжках Н. К. Крупской (Адресные книги ЦК РСДРП (1912–1917 гг.). С. 34).

¹²⁰ О том, что в шпионаж В. И. Ульянова он сам не верил, Л. Матыщук говорил в воспоминаниях, записанных в 1949 г. (*Polacy o Lenine. Wspomnienia / Orgas. L. Dubacki, Z. Iwańczuk, J. Sobczak. Warszawa*, 1970. S. 20). Это можно было бы счесть самооправданием постфактум, однако действия жандарма 7 августа 1914 г. говорят сами за себя. Проведя у Ульянова обыск и обнаружив в доме подозрительные бумаги и незарегистрированный браунинг, Матыщук всего лишь велел подозреваемому утром явиться на станцию, чтобы вместе отправиться в Новый Тарг (РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 38. Л. 4–4 об.). Ульянов не был посажен под замок в здании жандармского поста, не был ограничен в передвижении (он немедленно выехал на велосипеде в Закопане за помощью) и даже имел возможность беспрепятственно послать с почты в Поронине (располагавшейся в соседнем от жандармского поста здании) телеграмму в дирекцию полиции Кракова. Необходимо отметить, что Ульянов проводил в Поронине уже второе лето и был весьма заметным человеком — еже-

ки решил снять с себя ответственность, провел 7 августа обыск на летней даче Ульяновых и на следующий день отвез подозреваемого в Новый Тарг¹²¹. В свою очередь окружной начальник Нового Тарга В. Гродзицкий, даже в мирное время крайне болезненно реагирующий на проводимые на его территории сомнительные мероприятия агентуры военной разведки¹²², также решил перестраховаться и передал дело Ульянова на рассмотрение судебных органов — не забыв, впрочем, проинформировать об этом все заинтересованные ведомства¹²³ и, тем самым, также сняв с себя ответственность.

Именно как «недоразумение» характеризовал свой предстоявший арест и сам В. И. Ульянов в телеграмме, направленной 7 августа — сразу после проведенного на даче обыска — директору полиции Кракова М. Флатау. «Прошу телеграфировать Поронин и окружному начальнику Новый Тарг во избежание недоразумений», — писал лидер РСДРП¹²⁴. Несмотря на то, что Флатау, по его собственным словам, «не был близко знаком» с Ульяновым¹²⁵, он, опровергая домыслы о неповоротливости бюрократического аппарата Австро-Венгерской империи, на следующее же утро направил в Поронин телеграмму: «Против Ульянова не имеется здесь ничего предосудительного в области шпионажа»¹²⁶. Конфидент Флатау депутат З. Марек также прислал телеграмму в защиту Ленина: «Ленин Ульянов мне лично знаком, он безупре-

---

дневно на его имя приходило такое количество писем из разных стран, что под них на почте выделили специальную полку (*Radkiewicz M. Ze wspomnień żony byłego naczelnika poczty w Poroninie // Polacy o Leninie. Wspomnienia / Oprac. L. Dubacki, Z. Iwańczuk, J. Sobczak. Warszawa, 1970. S. 185–186*). Глава жандармского поста не мог не обратить внимание на столь деятельного иностранца сразу же после его появления; то, что у Ульянова не возникало никаких проблем Матыщук вплоть до 7 августа 1914 г., говорит о том, что жандарм получил разъяснения касательно этой личности от неких компетентных лиц, — и что, однако, эти лица не были его непосредственным начальством.

¹²¹ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 38. Л. 4-4об.

¹²² В 1913 во время проведения на территории округа руководимой Пилсудским первой летней школы Стрелкового союза, В. Гродзицкий сигнализировал об этом мероприятии в наместничество Галиции во Львове, не зная, что мероприятие согласовано военной разведкой (*Сулес В. Юзеф Пилсудский. С. 110*).

¹²³ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 38. Л. 3, 4 об., 5 об.

¹²⁴ ААН, 2/1232/0/1/78/1/1, к. 23г.

¹²⁵ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 48. Л. 1.

¹²⁶ ААН, 2/1232/0/1/78/1/1, к. 25г.

чен и надежен»¹²⁷. Однако обе телеграммы пришли слишком поздно, делу был дан официальный ход.

Окружной суд Нового Тарга уже через несколько дней передал дело Ульянова военной прокуратуре в Новом Сонче¹²⁸, что сделало невозможным его освобождение кем-либо, кроме военных властей. Пытаясь разрешить создавшуюся ситуацию, директор полиции Кракова проинформировал о произошедшем капитана Генерального штаба Ю. Рыбака¹²⁹. Однако реакция военной разведки оказалась далеко не столь оперативной. Дело в том, что после объявления Австро-Венгрией войны России территориальные органы военной разведки вступили в период реорганизации. Капитан Рыбак занял должность начальника разведывательного отдела штаба 1-й австрийской армии. Одновременно с 6 августа 1914 г. он был откомандирован для поддержания связи со военизированными формированиями Пилсудского; этими же вопросами занимался прибывший из Эвиденцбюро подполковник Генерального штаба Й. Новак, прикомандированный к действовавшей на территории российской Польши оперативной группы генерала Куммера¹³⁰. Часть документов о деятельности Рыбака и Новака в первые недели после начала войны доступна исследователям и свидетельствует об их предельной загруженности¹³¹.

Занятость Рыбака и Новака координацией деятельности формирований Пилсудского, необходимость активизации разведывательной и контрразведывательной деятельности в полосе 1-й армии и неизбежная организационная неразбериха замедлили реакцию военной разведки на арест российского революционера в далеком от Кракова Новом Тарге. Согласно воспоминаниям комиссара полиции Р. Крупиньского, отвечавшего в НК Stelle

---

¹²⁷ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 38. Л. 8.

¹²⁸ Это произошло не позднее 11 августа, когда Н. К. Крупская написала о передаче дела в Новый Сонч в письме В. Адлеру (Lenin als russischer Spion und als deutscher Agenten. S. 4; *Ганецкий Я.* Арест В. И. Ленина в Австрии в 1914 г., по документам. С. 179–180).

¹²⁹ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 48. Л. 1.

¹³⁰ *Świątek R.* Lodowa ściana. Sekrety polityki Józefa Piłsudskiego. S. 699; *Nowik G.* Nieznany list (fragment) Józefa Piłsudskiego do pplk. Jana Nowaka (?) z 29 grudnia 1914 r. // *Dzieje Najnowsze*. 2022. № 1. S. 244.

¹³¹ АЦРА. Т: 701/1/108; *Galiczyjska działalność Piłsudskiego ...* S. 618, 625, 628–629, 636–637, 647–650; *Gaul J.* Józef Piłsudski. Źródła z lat 1914–1918 w Austriackim Archiwum Państwowym w Wiedniu. T. 1: Archiwum wojny. Warszawa, 2015. S. 285–291.

за контрразведку, об аресте Ульянова он узнал только после передачи дела в Новый Сонч, то есть 10 или 11 августа¹³². По всей видимости, информация об аресте была получена Крупинским от близкого помощника Ленина Я. Ганецкого, 10 августа прибывшего в Краков с новостью об аресте Ульянова. В своих воспоминаниях Ганецкий писал: «В течении двух дней я бродил по всевозможным учреждениям и бесчисленным канцеляриям... В Кракове все власти заверяли меня, что Владимир Ильич скоро будет освобожден, необходимо лишь выполнить формальности»¹³³. Ганецкий был осведомлен о предыдущих встречах Ленина с Крупинским¹³⁴ и не мог обойти его вниманием в ходе посещения «бесчисленных канцелярий». Однако Крупинский не являлся руководителем НК Stelle, будучи хоть и значимым, но лишь прикомандированным сотрудником. Для разрешения проблемы было необходимо вмешательство И. Новака — который в то время был занят другими проблемами, наиболее важной из которых были несогласованные политические претензии Пилсудского¹³⁵.

Не удовлетворившись полученными в Кракове заверениями, Ганецкий отправил телеграмму лидеру австрийской социал-демократической партии, депутату рейхсрата В. Адлеру с просьбой помочь Ленину; аналогичная телеграмма и письмо были по совету Ганецкого направлены Адлеру Н. К. Крупской¹³⁶.

Адлер человеком, безупречно лояльным Австро-Венгрии и императору; в августе 1914 г. он выступал за принятие военных кредитов и считал, что Австро-Венгрия ведет оборонительную войну против царской России. Возглавляемая Адлером СДПА находилась в союзнических отношениях с ППС; в ноябре 1912 г. Пилсудский получил приглашение на съезд СДПА в качестве делегата от ЦК ППС и публично озвучил идею сотрудничества польских антироссийских организаций с Австро-Венгрией¹³⁷. Что же касается ППСД И. Дашиньского, то она и вовсе формально явля-

---

¹³² РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 2508. Л. 1 об.-3; *Krupiński R. Oczyma komisarza policji*. S. 245.

¹³³ *Ганецкий Я. О Ленине. Отрывки из воспоминаний*. С. 27–28.

¹³⁴ *Ганецкий Я. В поисках архивов В. И. Ленина*. С. 464.

¹³⁵ *Фишер Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг.* / пер. с нем. Л. В. Ланника. М., 2017. С. 153–154.

¹³⁶ *Lenin als russischer Spion und als deutscher Agenten*. S. 4; *Ганецкий Я. Арест В. И. Ленина в Австрии в 1914 г., по документам*. С. 179–180.

¹³⁷ *Świątek R. Lodowa ściana. Sekrety polityki Józefa Piłsudskiego*. S. 593.

лась частью СДПА. Помимо этого, Адлер имел дружеские связи с Э. фон Гайером, главой службы безопасности императора Франца Иосифа¹³⁸, — и пользовался этим знакомством; так, 3 августа 1914 г. он устроил встречу Гайера и русского эмигранта Л. Троцкого¹³⁹. Словом, Адлер выглядел как человек, имевший реальную возможность ускорить обещанное Ганецкому в Кракове «выполнение формальностей». Однако по какой-то причине Адлер занялся вопросом Ульянова только через несколько дней после получения письма Крупской. Его воспоминания¹⁴⁰ не содержат информации по причинам этого промедления; возможно оно было связано с предшествующими выпадами Ульянова в адрес Адлера.

Видимо, Крупская подозревала, что Адлер может не захотеть помогать ее мужу; поэтому одновременно она послала телеграмму проживавшему в Вене члену РСДРП Д. Б. Рязанову. «В 1914 г., когда Ильич засел в Галиции и ему грозила опасность, мне пришлось после телеграммы Надежды Константиновны принимать участие в его освобождении», — вспоминал впоследствии Рязанов, которому пришлось приложить немало усилий для воздействия на Адлера¹⁴¹. Об обращении Рязанова к австрийским социал-демократам упоминал впоследствии и Г. Е. Зиновьев¹⁴². Впрочем, дальнейший ход событий позволяет предположить, что решающий вклад в убеждение Адлера внес не Рязанов, а лидер ППСД Дашиньский.

---

¹³⁸ Ведомство Э. фон Гайера, разумеется, плотно взаимодействовало с австро-венгерской военной разведкой. В 1913 г. начальник Генерального штаба по ходатайству руководства Эвиденцбюро представил Гайера к государственной награде (ÖStA. KA NL. Bl. 126. Teil A: 1. S. 230), а начальник разведывательной группы Эвиденцбюро М. Ронге считал его своим другом (*Ronge M. Kriegs- und Industrie-Spionage*. S. 31).

¹³⁹ *Троцкий Л.* Сочинения. Т. VIII: Политические силуэты. М., 1926. С. 34–35. О связях В. Адлера с австро-венгерской разведкой заставляет задуматься и относящиеся к январю 1905 г. воспоминания А. Парвуса: «Поток русских эмигрантов уже потек в Россию. Виктор Адлер был занят только русскими делами: он добывал для эмигрантов деньги, паспорта, адреса (...) В его квартире один парикмахер поменял мне прическу, ведь моя внешность была слишком известна [для российской охраны]» (*Херш Э.* Купленная революция. Тайное дело Парвуса / пер. с нем. И. Г. Бинеовой. М., 2005. С. 61). Для нелегального проезда в Россию Адлер тогда предоставил Парвусу паспорт на имя австрийского подданного К. Ваверка (Там же. С. 70).

¹⁴⁰ VGA. Adler Archiv. M128/T1; Lenin als russischer Spion und als deutscher Agenten. S. 4.

¹⁴¹ *Рокитянский Я., Мюллер Р.* Красный диссидент. С. 37.

¹⁴² *Зиновьев Г.* Год революции. С. 197.

Дашиньский в это время находился «за ленточкой» — в захваченном формированием Ю. Пилсудского населенном пункте Мехов на территории российской Польши. В Краков он вернулся поздним вечером 14 августа¹⁴³, и именно после этого дело Ленин сдвинулось с мертвой точки. Б. Дробнер впоследствии вспоминал: «Ленин был освобожден в первую очередь благодаря помощи Дашиньского, который приехал из Мехова и дал нам приказ бороться за освобождение Ленина»¹⁴⁴. О роли Дашиньского в освобождении Ленина вспоминает и большевик Ф. Н. Самойлов, близко общавшийся с лидером РСДРП сразу после его приезда из Австрии в Швейцарию¹⁴⁵.

И действительно, уже 16 августа Министерство внутренних дел в Вене посетили сразу два депутата рейхсрата — В. Адлер и товарищ Дашиньского по ППСД Г. Диаманд. Согласно записи этой беседы, «оба депутата рейхсрата гарантировали, что Ленин — ярый противник России и будет хорошо служить Австрии, и просили о его немедленном освобождении из тюрьмы»¹⁴⁶. Позднее за Ульянова ходатайствовал и сам Дашиньский, по всей видимости, телефонировавший из Кракова в Министерство внутренних дел, а Адлер уточнял: «Ульянов смог бы оказать большие услуги при настоящих условиях»¹⁴⁷.

Поскольку дело В. И. Ульянова находилось в военной юрисдикции, Министерство внутренних дел могло сделать немного, однако дело поставили на контроль, а кроме того, о визи-

¹⁴³ *Daszyński I. Pamiętniki. Kraków, 1926. T. 2. S. 167.*

¹⁴⁴ ААН, 2/1232/0/1/78/II/10, к. 36; *Drobner B. «Morowy chlop» // Polacy o Lenine. Wspomnienia / Oprac. L. Dubacki, Z. Iwańczuk, J. Sobczak. Warszawa, 1970. S. 25.*

¹⁴⁵ *Самойлов Ф. Н. Воспоминания большевика-депутата IV Думы о тов. Ленине (1914–1917 гг.) // Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 179.* Стоит отметить, что воспоминания Ф. Н. Самойлова вышли в свет до появления в «Ленинском сборнике» документальной публикации Я. Ганецкого; узнать о причастности Дашиньского к освобождению В. И. Ульянова Самойлов, таким образом, мог лишь от лидера РСДРП либо от его супруги.

¹⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 48. Л. 1.

¹⁴⁷ *Там же. Д. 38. Л. 26.* Указанный документ говорит о том, что вторая встреча с главой МВА, о которой Адлер упоминает в своих воспоминаниях (VGA. Adler Archiv. M128/T1; *Lenin als russischer Spion und als deutscher Agenten. S. 4*) состоялась не позднее 23 августа. 21 августа Адлер, не знавший об уже состоявшемся освобождении В. И. Ульянова, направил телеграмму главе швейцарской социал-демократии Г. Грейлиху о возможной необходимости вмешательства последнего в дело Ульянова (Schweizerisches Sozialarchiv. Ap. 170.15.13).

те депутатов проинформировали полицию Кракова и, — что было гораздо более важным, — Управление военного контроля (Kriegsüberwachungsamt, KÜA). Эта организация, находившаяся в подчинении военного министра, в то время выполняла роль координатора всех австро-венгерских спецслужб, — от общей и политической полиции до военной контрразведки¹⁴⁸.

Управление военного контроля переправило пришедшие из МВД документы по делу Ульянова в Эвиденцбюро, где они попали в руки капитана Генерального штаба Г. Ишковского¹⁴⁹, опытного сотрудника военной разведки, в 1908–1912 гг. занимавшего пост начальника НК Stelle во Львове и долго время являвшегося одним из ключевых участников конфиденциальных контактов с Пилсудским и его подпольными организациями¹⁵⁰.

После этого события стали разворачиваться стремительно. 17 августа военный прокурор в Кракове заполнил реферативную карточку уголовного дела, в которой записал, что «согласно устного заявления здешнего разведбюро, совершенно исключено, что обвиняемый занимался шпионажем. Предлагаю отказать от обвинения»¹⁵¹. Упомянутое прокурором «здесьнее разведбюро» (Kundschaftsbureau) было ничем иным, как краковским НК Stelle, чье руководство после разрешения проблем, возникших с формированиями Пилсудского¹⁵², наконец вспомнило и о деле Ульянова — по всей видимости, после напоминания Ишковского. Интересно, что в это же время у краковского НК Stelle сменился начальник — им стал капитан Е. Бауэр, ранее возглавлявший вспомогательный разведцентр (НК Stelle) крепости Краков¹⁵³. Заместителем НК Stelle оставался капитан Л. Моравский, непосредственное же обоснование по делу Ульянова готовил все тот же комиссар полиции Р. Крупиньский¹⁵⁴.

---

¹⁴⁸ Хутарев-Гарнишевский В. В. Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913–1917 гг. М., 2020. С. 19. Подробное описание задач КÜA см.: ÖStA. KA NL. Bl. 126. Teil B: 29a-b. S. 448.

¹⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 48. Л. 5.

¹⁵⁰ Świątek R. Lodowa ściana. Sekrety polityki Józefa Piłsudskiego. S. 43.

¹⁵¹ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 38. Л. 13–14 об.

¹⁵² Galicyjska działalność Piłsudskiego ... S. 647.

¹⁵³ Świątek R. Lodowa ściana. Sekrety polityki Józefa Piłsudskiego. S. 712; ÖStA. KA NL. Bl. 126. Teil A: 1. S. 232. См. также: Gaul J. Akta c. i k. Komendy I Korpusu i Komendy Wojskowej w Krakowie ... S. 217.

¹⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 2508. Л. 1 об. — 3; Оп. 3. Д. 38. Л. 13–14 об.; Krupinski R. Oczyma komisarza policji. S. 245.

18 августа решение военного прокурора о прекращении дела в отношении В. И. Ульянова было утверждено комендантом Кракова генералом Л. Матушкой¹⁵⁵, а уже утром следующего дня, 19 августа, в окружную администрацию Нового Тарга стали одна за другой приходить телеграммы с инструкциями относительно Ульянова. Сколько этих телеграмм было, неизвестно, до нашего времени дошли три. Первая телеграмма содержала распоряжение об освобождении заключенного: «Владимир Ульянов подлежит немедленному освобождению»¹⁵⁶. Вторая уточняла: «Судебное следствие против Ульянова остановлено, последний поэтому подлежит полному освобождению, должен лишь сообщить письменно или телеграфно свой адрес в Поронине капитану Моравскому, здание корпусного командования»¹⁵⁷. Третья указывала: «Приказать Ульянову Владимиру при проезде через Краков явиться к капитану Моравскому в здание корпусного командования»¹⁵⁸.

Судя по всему, при освобождении из новотаргской тюрьмы В. И. Ульянову не только приказали явиться к замначальника краковского НК Stelle, но и снабдили деньгами. В позднейших нотариально заверенных показаниях детей окружного комиссара Нового Тарга К. Гловиньского, 19 августа лично прибывшего освобождать из тюрьмы лидера РСДРП¹⁵⁹, содержится описание расписки, которую Гловиньский получил от Ульянова в обмен на 200 австрийских крон¹⁶⁰. В расписке говорилось о том, что деньги получены взаймы, однако впоследствии Ульянов не только не погасил этот значительный по своему размеру долг¹⁶¹, но и даже не поблагодарил Гловиньского за участие в своем освобождении.

---

¹⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 38. Л. 13–14 об.

¹⁵⁶ Там же. Л. 20.

¹⁵⁷ Там же. Л. 19.

¹⁵⁸ Там же. Л. 22.

¹⁵⁹ ААН, 2/1232/0/1/78/II/1, к. 64.

¹⁶⁰ Ibid. К. 61–63а.

¹⁶¹ Средняя месячная зарплата рабочего в Австро-Венгрии составляла 45 крон, месячная зарплата поручика австро-венгерской армии с квартирными — 250 крон (Солоух С. Комментарии к русскому переводу романа Ярослава Гашека «Приключения бравого солдата Швейка». М., 2015). По свидетельству М. Ронге, в 1907 г. заграничные агенты австрийской военной разведки «вынуждены были удовлетворяться ежемесячными вознаграждениями в размере от 60 до 150 крон» (Ronge M. Kriegs- und Industrie-Spionage. S. 30). Ежемесячное жалование главы ППС Ю. Пилсудского, получаемое им от партии в 1910 г., составляло от 250 до 300 крон, жалование функционера Боевого отдела ППС — 130 крон (Świątek R. Lodowa ściana. Sekrety polityki Józefa Piłsudskiego. S. 475).

нии — в отличие от многих других людей, в том числе комиссара полиции Р. Крупиньского, которому со швейцарской границы была послана открытка¹⁶².

По всей видимости, возвращение 200 крон и не предполагалось, а Гловиньский действовал в соответствии с полученными из Кракова инструкциями. О том, что возвращение денег не предусматривалось, косвенно свидетельствует и тот факт, что в конце сентября 1914 г. Ульянов просил Ганецкого справиться у окружного начальника Нового Тарга о возвращении ему неких отобрабанных при аресте бумаг¹⁶³; эта просьба была выполнена и уже в конце октября бумаги оказались у Ульянова¹⁶⁴. Едва ли подобное развитие событий было бы возможно в случае личной финансовой непорядочности Ульянова в отношении Гловиньского.

Ульянов выполнил полученный им при освобождении приказ явиться в замначальника НК Stelle в здание корпусного командования. Через неделю после освобождения, 26 августа Ульянов получил от окружного начальника Нового Тарга разрешение на проезд вместе с семьей поездом в Краков и 28 августа выехал из Нового Тарга в Краков¹⁶⁵. Из позднейших данных швейцарской полиции мы узнаем, что Ульянов «должен был свои [удостоверяющие] документы оставить в Кракове в военном ведомстве»¹⁶⁶, что подтверждает факт его визита в здание корпусного командования. Что же касается причины, по которым Ульянов был вынужден оставить свое удостоверение личности у военных, то она вполне очевидна. Удостоверение личности на французском языке, которым пользовался Ульянов в период своего пребывания в австрийской Галиции¹⁶⁷, было выписано ему как эмигранту в период его нахождения во Франции местной полицией и пользоваться таким

¹⁶² РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 2508. Л. 1об.-3; *Krupiński R. Oczyma komisarza policji. S. 245.*

¹⁶³ Ленинский сборник XIII / под ред. В. В. Адоратского, В. М. Молотова, М. А. Савельева. М., 1930. С. 246.

¹⁶⁴ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, 1870–1924. М., 1972. Т. 3. С. 291.

¹⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 13. Л. 1. Таким образом, в Краков В. И. Ульянов прибывает не ранее вечера 28 августа. С учетом того, что 29 августа он получает от М. Флагау удостоверение на выезд в Вену, наиболее вероятно, что выезд в Вену произошел 30 августа — поскольку 1 сентября Ульянов уже в Вене получил в полицейском управлении удостоверение на проезд в Швейцарию.

¹⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 70. Л. 3–3 об.

¹⁶⁷ Там же. Оп. 3. Д. 38. Л. 4–4 об.

удостоверением в Австро-Венгрии в условиях военной истерии было, мягко говоря, небезопасно.

О чем В. И. Ульянов в здании корпусного командования говорил с заместителем начальника НК Stelle капитаном Л. Моравским, неизвестно. Всего же в Кракове Ульянов пробыл несколько дней. Среди мест, которые он также посетил, была редакция издаваемой И. Дашиньским газеты «Naprzód», сотрудникам которой Ульянов дал небольшое интервью о планах революционной работы в России в условиях войны¹⁶⁸. Не вызывает сомнения, что во время этого визита он повидался с Дашиньским. 29 августа Ульянов получил от директора полиции Кракова М. Флатау удостоверение для проезда вместе с семьей в Вену¹⁶⁹.

Прибыв в столицу Австро-Венгрии, Ульянов уже 1 сентября получил в полицейском управлении Вены (тесно сотрудничавшем с военной разведкой¹⁷⁰) удостоверение личности, дававшее ему право воспользоваться почтовым военным поездом для проезда до станции Брукс¹⁷¹. Как язвительно замечает в этой связи Р. Пайпс, «Ленин, Крупская и ее мать выехали по пропуску, по-

¹⁶⁸ W sprawie rewolucyj rosyjskiej // Naprzód. 1914. 30 serp.

¹⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 13. Л. 2. Выданные окружным начальником Нового Тарга и директором полиции Кракова удостоверения на проезд в Краков и Вену были при отъезде в Швейцарию оставлены В. И. Ульяновым в Вене; в 1924 г. они демонстрировались на выставке в читальном зале библиотеки социальных наук Венской палаты труда и вскоре были оттуда похищены. «Эта выставка завершилась самым неожиданным образом. Однажды ночью витрину взломали и все оригиналы были изъяты. Фридрих Адлер, как и библиотекарь Фриц Брейгель предполагали, что только Москва могла быть заинтересована в приобретении этих оригиналов и что они, должно быть, попали туда» (VGA. Adler Archiv. M128/T1; см. также: Lenin als russischer Spion und als deutscher Agenten. S. 4). Действительно, уже в том же году эти документы были в переводе на русский воспроизведены в «Ленинском сборнике» (Ганецкий Я. Арест В. И. Ленина в Австрии в 1914 г., по документам. С. 182–183), а их фотокопии впоследствии оказались в Институте Ленина (Хроника Института В. И. Ленина ... С. 573).

¹⁷⁰ Ronge M. Kriegs- und Industrie-Spionage. S. 30–31. Одним из ключевых сотрудников Венского полицейского управления, взаимодействовавшим с Эвиденцбюро и лично с М. Ронге, был начальник подразделения по борьбе со шпионажем Й. Шобер, участвовавший в расследовании дела А. Редаля (Moritz V., Leidinger H. Oberst Redl. Der Spionagefall. Der Skandal. Die Fakten. Wien, 2012. S. 117). В мае 1914 г. М. Ронге, Й. Шобер, глава личной службы безопасности императора Австро-Венгрии Э. фон Гайер и начальник венгерской пограничной полиции Г. фон Илошвай создали межведомственную систему контрразведки, так называемую *Defensiven Kundschaftsdienst* (Lewis M. Continuity and Change in the Vienna Police Force, 1914–1945. Part 1 // S. I. M. O. N. Shoah: Intervention. Methods. Documentation. 2019. № 2. P. 24–25).

¹⁷¹ Пайпс Р. Русская революция / Пер. с англ. М., 2005. Т. 2.

лученному от австрийской полиции, из Вены в Швейцарию на австрийском военном почтовом поезде — необычном для простых подданных враждебной страны виде транспорта»¹⁷².

В швейцарский Берн В. И. Ульянов прибыл 5 сентября 1914 г. и уже на следующий день на совещании с проживавшими в городе большевиками добился утверждения своих тезисов, впоследствии ставшими программой РСДРП (б) военного периода: «С точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск, угнетающей Польшу, Украину и целый ряд народов России и разжигающей национальную вражду для усиления гнета великоруссов над другими национальностями»¹⁷³. Пораженческая позиция РСДРП в годы мировой войны не была жестко предопределенной; в то время даже самые преданные Ульянову люди склонялись к «шовинистической» мысли, что победа Центральных держав была бы злом гораздо худшим¹⁷⁴. Едва ли кто-нибудь, кроме Ульянова, смог бы добиться даже от наиболее радикальных социал-демократов поддержки идеи о необходимости бороться против собственного Отечества во время мировой войны.

Научное изучение агентурной деятельности спецслужб является чрезвычайно сложной задачей. Специальные службы не заботятся об удобстве работы историков, особенно когда речь заходит о персональных данных агентуры. Исследователь не может прийти в архив, заполнить заявку на интересующее его персонажа и получить личное дело агента. И дело не только в государственной тайне — в конце концов сроки секретности рано или поздно истекают. Но документы, связанные с деятельностью агентуры, могут быть изъяты или просто уничтожены.

Вспоминая об аресте В. И. Ульянова в августе 1914 г. глава разведывательной группы (Kundschaftsgruppe) Эвиденцбюро М. Ронге в своих воспоминаниях писал: «Среди многих арестованных по необоснованному подозрению в шпионаже был человек, который впоследствии стал очень известным»¹⁷⁵. (Слова Ронге о «необос-

---

¹⁷² РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 70. Л. 3-Зоб.

¹⁷³ Тезисы о войне. Первоначальный текст // Ленинский сборник XIV / под ред. В. В. Адоратского, В. М. Молотова, М. А. Савельева. М., 1930. С. 12.

¹⁷⁴ Самойлов Ф. Н. Воспоминания большевика-депутата ... С. 179; Шкловский Г. А. Владимир Ильич накануне Бернской конференции // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине : в 10 т. М., 1990. Т. 4. С. 86–87

¹⁷⁵ Ronge M. Kriegs- und Industrie-Spionage. S. 109.

нованном подозрении» разительно контрастируют с приведёнными на предыдущих страницах его воспоминаний одобрительными рассказами о сожжении деревни Ораховец в Боснии и Герцеговине, депортациях нелояльного населения, казнях заложников и массовых арестах галицийских «москвофилов», происходивших в тоже самое время, что и инцидент с Ульяновым¹⁷⁶.)

В оставшихся неопубликованными подготовительных материалах к своей книге Ронге счел необходимым подчеркнуть, что в текущем делопроизводстве Эвиденцбюро имелись документы, касавшиеся Ульянова: «Разумеется, с этой стороны [т. е. со стороны, к которой принадлежал Ронге] можно только указать на имеющиеся документы делопроизводства»¹⁷⁷.

К сожалению, ознакомиться с упомянутыми документами делопроизводства невозможно: в фонде Эвиденцбюро в Австрийском государственном архиве отсутствуют как дела агентурного учета, так и дела оперативной переписки за 1914 г.¹⁷⁸ Они были уничтожены в 1918 г.; как вспоминал М. Ронге, «когда после заключенного перемирия с Италией итальянские войска стали продвигаться вдоль Южной железной дороги и возникла необходимость не допустить захвата итальянцами нашего архива, то оставшихся сотрудников [разведывательного управления] оказалось недостаточно для просмотра накопившихся в управлении 300 000 экземпляров документов. Поэтому их ящиками отправляли в отель «Херцогхоф» и сжигали в большой печи его котельной»¹⁷⁹. Чуть далее Ронге отмечает, что была сожжена не только оперативная переписка, но и «личные дела и записи, касавшиеся привлеченных агентов»¹⁸⁰.

Разумеется, даже уничтожение личного дела агента, не означает, что уничтожены все следы. Остаются оперативные донесения, остаются готовившиеся на основании донесений доклады для руководства, остается переписка с другими ведомствами. Однако ситуация осложняется тем, что зачастую в этих документах персональные данные агента заменены криптонимом. Например, российская военная разведка с 1903 г. поддерживала связь с неким офицером Генерального штаба Австро-Венгрии, передававшим информацию стратегического характера вплоть до первой половины 1914 г. Агент про-

¹⁷⁶ Ibid. S. 103–104, 107–108.

¹⁷⁷ ÖStA. KA NL. Bl. 126. Teil B: 29a-b. S. 502e, d

¹⁷⁸ ÖStA. KA AhOB MKSM GSt Evidenzbüro. Akten.

¹⁷⁹ Ronge M. Kriegs- und Industrie-Spionage. S. 363.

¹⁸⁰ Ibid. S. 370.

ходил в документации Отдела генерал-квартирмейстера ГУТШ как «№ 25, неизвестный агент». Ни фамилия агента № 25, ни занимаемая должность не были известны никому, кроме завербовавшего его офицера¹⁸¹. Сотрудники австро-венгерской разведки в отчетных документах порою избегали упоминать даже криптонимы; так, в годовом отчете за 1913 г. начальника краковского НК Stelle капитана Ю. Рыбака приводится список состоявших на связи 63 агентах, однако для 15 из них какие-либо данные отсутствуют — строчки после порядкового номера оставлены пустыми¹⁸².

Польский историк Р. Швентек, впервые введший этот годовой отчет краковского НК Stelle в научный оборот, предполагает, что использованные в докладе порядковые номера были заранее закреплены за конкретными агентами и в разведгруппе Эвиденцбюро имелся список с персональными данными неназванных Ю. Рыбаком агентов. Предположение Швентека имеет под собой серьезные основания (в том числе вытекающие из текста документа), однако работу историка это никоим образом не облегчает — ведь документ, позволяющий установить персональные данные неназванных агентов, если и существовал, то был сожжен в 1918 г. в печи отеля «Херцогхоф».

Среди этих неназванных в годовом отчете агентов совершенно точно есть, в частности, члены находившейся на связи австро-венгерской разведки сети «Конфидент R», включая самого Ю. Пилсудского¹⁸³, однако как это можно доказать? Тщательные поиски в австрийских архивах, специально проводившиеся польскими историками еще во времена ПНР, позволили установить большое количество документов, свидетельствовавших о связях Пилсудского с австро-венгерскими властями, однако прямого упоминания о том, что будущий глава Польши был агентом военной разведки, так и не нашлось¹⁸⁴. Единственным источником, прямо и одно-

¹⁸¹ Алексеев М. Военная разведка России ... Кн. II. С. 188–191. Стоит отметить, что агент № 25 и полковник А. Редль — разные лица; агент № 25 выходил на связь с русской разведкой в 1914 г., а Редль к этому времени уже год покоился в могиле.

¹⁸² Świątek R. Lodowa ściana. Sekrety polityki Józefa Piłsudskiego. S. 611–613.

¹⁸³ Ibid. S. 477.

¹⁸⁴ См.: Galicyjska działalność Piłsudskiego, 1906–1914. Dokumenty / Zebra., oprac. S. Arski, J. Chudek. Warszawa, 1967. Новейшее фронтальное архивное исследование (*Gaul J. Józef Piłsudski. Źródła z lat 1914–1918 w Austriackim Archiwum Państwowym w Wiedniu*. Warszawa, 2015. Т. 1) также оставляет простор для сомнений.

значно говорящим о связи Пилсудского с австро-венгерской военной разведкой, были вышедшие посмертно в 1954 г. воспоминания бывшего начальника краковского НК Stelle Ю. Рыбака¹⁸⁵ — достоверность которых, разумеется, долгое время ставили под сомнения¹⁸⁶. Только введение в научный оборот чудом сохранившегося (пусть и с изъятиями) дела, в котором Ю. Рыбак собирал документы по сотрудничеству организацией Пилсудского¹⁸⁷, подтвердило его воспоминания и позволило поставить точку в дискуссии о связи Пилсудского с австро-венгерской разведкой.

Представим, однако, что это дело не сохранилось, что в свое время Ю. Пилсудский отправил его не в личный архив (в 1939 г. эвакуированный из Польши и ныне находящийся в США), а в печку. Можно ли в этом случае было обоснованно утверждать, что Пилсудский сотрудничал с австро-венгерской разведкой? Безусловно — потому что установленные благодаря поискам в австрийских архивах и дошедшим до нас воспоминаниям фактические данные о сотрудничестве Пилсудского с австро-венгерскими властями могут быть интерпретированы вполне однозначно. Но по политическим причинам эта интерпретация, безусловно, ставилась бы под сомнения людьми, желающими сохранить незапятнанным мундир «отца нации», главы воссозданного польского государства.

Установленные фактические данные, касающиеся взаимодействия В. И. Ульянова с австро-венгерскими властями, также позволяют сделать вполне однозначные выводы.

Для начала рассмотрим фактические данные, касающиеся периода до начала Первой мировой войны.

Переезжая на жительство в австрийскую Галицию, В. И. Ульянов заранее, через своего сподвижника Я. Ганецкого и депутатов рейхсрата И. Дашиньского и З. Марека проинформировал о своих намерениях австрийские власти и получил согласие на приезд и гарантию невыдачи России. В это время Австро-Венгрия рассматривала Россию как своего основного противника и активно использовала революционные организации (ППС Ю. Пилсудского и украинских эсэров) для разведывательной и подрывной дея-

---

¹⁸⁵ Pamiętniki generała Rybaka / Pośl. J. Kamcewicz. Warszawa, 1954.

¹⁸⁶ *Stawęcki P.* Protokoły przesłuchania generała Rybaka // *Dzieje najnowsze.* 1992. № 4.

¹⁸⁷ АЦРА. Т: 701/1/108.

тельности на российской территории. Гарантии предоставления В. И. Ульянову защиты были получены от австро-венгерских властей как раз в тот момент, когда российские дипломаты пытались добиться от австрийской стороны пресечения подрывной деятельности организаций Пилсудского, а полиция Кракова и местное НК Stelle готовили отписки о том, что никакой подрывной деятельности против России из Кракова не ведется¹⁸⁸.

Заблаговременное согласование с австро-венгерскими властями приезда В. И. Ульянова в приграничный с Россией регион признавалось даже советской историографией. Как язвительно, но абсолютно справедливо замечает в этой связи С. Поссоны, лидер РСДРП совершил переезд в Галицию, «полагаясь на благосклонность австрийского жандарма»¹⁸⁹. По большому счету, это само по себе дает ответ на вопрос о сотрудничестве с австрийскими спецслужбами, однако установленные фактические данные позволяют конкретизировать рамки сотрудничества.

После переезда на жительство в Краков, В. И. Ульянов получил всестороннюю помощь от конфидентов местной полиции (И. Дашинский, З. Марек) и военной разведки (Ю. Пилсудский и подчиненные ему организации). Эти люди решали вопросы, связанные с «полицейской безопасностью» Ульянова и его сторонников, контролировали маршруты для переброски через австрийско-российскую границу нелегалов и подрывной литературы, помогали организовать пересылку корреспонденции на территорию России, а также предоставляли паспорта для легального пересечения границы и конспиративные адреса для приема корреспонденции в Кракове. Летние месяцы В. И. Ульянов с супругой и товарищами проводили в тех же местах, где Ю. Пилсудский проводил свои мероприятия и подготовку боевиков.

Всесторонняя помощь, принимаемая от агентуры военной разведки, разумеется, не может сама по себе служить прямым доказательством сотрудничества с военной разведкой. В конце концов, взаимодействие В. И. Ульянова с ППС не было для него первым опытом получения покровительства со стороны радикальных антироссийских националистических организаций. В 1905–1907 гг. он более чем активно пользовался поддержкой финской Партии активного сопротивления, осуществлявшей в интересах РСДРП

---

¹⁸⁸ Galicyjska działalność Pilsudskiego ... S. 562–565.

¹⁸⁹ Possony S. Lenin. The Compulsive Revolutionary. P. 157.

нелегальную переброску в Россию подрывной литературы и оружия, представившей базу для проведения в партийных конференциях и совещаниях, а также для деятельности с территории Финляндии Боевой технической группы¹⁹⁰. Аналогия оказывается еще более полной, если вспомнить, что лидер финских «активистов» К. Цилякус являлся агентом японской военной разведки и получал деньги на поддержку антиправительственного революционного движения в России¹⁹¹. Однако прямых контактов с японскими разведчиками Ульянов все-таки не поддерживал. Может быть, и в Галиции его использовали через посредника, не заставляя подписывать соглашение о сотрудничестве?

В некоторых случаях австро-венгерская военная разведка действительно избегала официальной вербовки, предпочитая работать через посредников. Так, например, на рубеже 1912/1913 гг. Галицию посетил член латышского националистического подполья Э. Трауберг¹⁹², желавший сотрудничать с австрийскими властями. По каким-то причинам начальник краковского НК Stelle капитан Ю. Рыбак предпочел не встречаться с латышом. «Я решительно избегал личных встреч с Траубергом, ограничившись получением информации от доверенных лиц ППС о том, на каких условиях латыши согласятся поддерживать нашу разведку», — докладывал Рыбак¹⁹³. В конечном итоге схема работы оказалась следующей: Трауберг передавал разведданные ППС, а те — руководству краковского НК Stelle. Полученную информацию Рыбак характеризовал как «фактическую и важную»¹⁹⁴, однако взамен

---

¹⁹⁰ Ермолаев П. Русская контрразведка против финских егерей, 1915–1917. СПб., 2017. С. 30–32; Kujala A. Vallankumous ja kansallinen itsemääräämisoikeus. Venäjän sosialistiset puolueet ja suomalainen radikalismi vuosisadan alussa. Helsinki, 1989. Подробнее о Партии активного сопротивления см.: Постников Н. Д. Политические партии Великого княжества Финляндского (60–70-е годы XIX века — 1914 год). М., 2024. С. 555–575.

¹⁹¹ Павлов Д. Б. Японские деньги для первой русской революции. М., 2011; Инаба Ч. Японский резидент против Российской империи. Полковник Акаси Мотодзиро и его миссия 1904–1905 гг. / пер. с японск. Д. Б. Павлова. М., 2013.

¹⁹² Между прочим, это был младший брат Альберта Трауберга (1881–1908), главы Летучего боевого отряда Северной области Партии социал-революционеров. Деятельности этого формирования посвящена специальная монография (Кан Г. С. Гроза бедой преступной силе... Летучий боевой отряд Северной области (1906–1908). СПб., 2021. Т. I–II), хоть и романтизирующая террористов, но весьма содержательная с научной точки зрения.

¹⁹³ Świątek R. Lodowa ściana. Sekrety polityki Józefa Piłsudskiego. S. 643.

¹⁹⁴ Ibid. S. 644.

Трауберг ничего не получал и, естественно, был неудовлетворен сложившейся ситуацией. Он хотел сотрудничать с Эвиденцбюро напрямую и в начале 1914 г. обратился в австро-венгерское посольство в Париже с новым предложением своих услуг¹⁹⁵.

Случай Трауберга, имеет, однако существенные отличия от случая Ульянова.

Во-первых, в случае работы через посредника сотрудники австро-венгерской разведки совершенно явно не считали нужным соблюдать какие-то особые меры секретности. О работе с Траубергом через ПСС Ю. Рыбак рассказывал в докладе прямым текстом, без каких-либо криптонимов или пустых строчек для личных данных — и соответствующий документ сохранился¹⁹⁶. С учетом того внимания, с которым несколько поколений польских исследователей выявляли документы австро-венгерской разведки, касающиеся взаимодействия с ППС, представляется практически невероятным, чтобы они пропустили прямо записанную в документах фамилию Ульянова. Тем ни менее, такой фамилии в изученном массиве документов обнаружено не было. Таким образом, сотрудничество через посредничество ППС представляется невозможным; отсутствие фамилии Ульянова в изученных документах возможно в двух случаях: либо если сотрудничества с ним не было вообще, либо если его фамилия была заменена криптонимом.

Во-вторых, установленные фактические данные свидетельствуют, что в отличие от Трауберга В. И. Ульянов лично контактировал с прикомандированными сотрудником краковского НК Stelle комиссаром полиции Р. Крупиньским, неоднократно посещал его канцелярию, ходатайствовал за приезжавших к нему революционеров, вызывавших подозрение у местных спецслужб. Более того, по данным, полученными российским Департаментом полиции от близкого Ульянову провокатора Р. Малиновского, лидер РСДРП «настолько, по словам Малиновского, был аккредитован доверием со стороны австрийского правительства, что его письменные удостоверения с ручательством за то или другое лицо имели гораздо более значения, чем всякие посольские или консульские удостоверения для австрийских властей»¹⁹⁷; помимо этого

---

¹⁹⁵ Ibid.

¹⁹⁶ АЦРА. Т: 701/1/108. К. 84–85.

¹⁹⁷ Дело провокатора Малиновского / сост. Б. И. Каптелов, И. С. Розенталь, В. В. Шелохаев. М., 1992. С. 122.

«вся литература пропускалась в нашу границу со стороны Австрии вполне свободно, если провожавшее лицо имело от Ленина пропуск»¹⁹⁸. Правдивость этой информации подтверждается тем фактом, что несмотря на усиленный контрразведывательный режим, действовавший в австрийской Галиции с 9 октября 1912 по 20 сентября 1913 г. в связи с угрозой войны с Россией¹⁹⁹, ни один из многочисленных нелегалов, приезжавших к Ульянову из России как в это время, так и позднее, не столкнулся с проблемами при пересечении австрийской границы — невзирая на то, что передвижение между российской Польшей и австрийской Галицией было максимально затруднено пограничными службами²⁰⁰.

Фактически лидер РСДРП пользовался теми же возможностями, которые австро-венгерская военная разведка предоставляла сотрудничавшим с ней организациям — Пилсудскому и украинским эсэрам. Согласно введенным в научный оборот Р. Швентеком документам, стандартное предложение военной разведки для российских революционных организаций в качестве оплаты их разведывательных и подрывных услуг включало: «а) согласие на контрабанду революционных изданий, оружия и т. д. в Россию; б) недопущение выдачи отдельных лиц в Россию или их высылки к русской границе; в) заверение, что в случае русской революции мы не предпримем ничего, что могло бы считаться вмешательством»²⁰¹. Однако эти возможности предоставлялись не кому попало: и сеть Пилсудского, и украинские эсэры были включены в списки соответствующих НК Stelle как коллективные организации-агенты²⁰² — и именно поэтому получали защиту и возможность использовать «зеленую» границу. В. И. Ульянов пользовался как первым, так и вторым. С учетом перечисленных выше фактических данных наиболее простым (а, возможно, и единственным) объяснением является то, что Ульянов, также как Пилсудский и украинские эсэры, сотрудничал с австро-венгерской военной разведкой.

Итак, совокупность установленных фактических данных, касающихся периода до начала Первой мировой войны, позволяют с вы-

---

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Świątek R. *Lodowa ściana. Sekrety polityki Józefa Piłsudskiego*. S. 585–586, 588; *Matanak M. Zadania c. k. Dyrekcji Policji w Krakowie ...* S. 73–74.

²⁰⁰ *Najdus W. Przez zieloną granicę*. S. 136.

²⁰¹ Świątek R. *Lodowa ściana. Sekrety polityki Józefa Piłsudskiego*. S. 545.

²⁰² *Ibid.* S. 547.

сокой долей вероятности говорить о сотрудничестве В. И. Ульянова с австрийской спецслужбой. Противоречат ли подобной интерпретации фактические данные, касающиеся ареста и освобождения Ульянова в августе 1914 г.?

Самим Ульяновым арест рассматривался как недоразумение. Первое, что он сделал при угрозе ареста — обратился за поддержкой к директору полиции Кракова М. Флатау, который на следующее же утро, демонстрируя незаурядную оперативность, прислал в Поронин и Новый Тарг телеграмму в поддержку Ульянова. Аналогичную телеграмму тем же утром прислал и конфидент Флатау, депутат З. Марек. Несмотря на спешку, телеграммы не успели прийти вовремя и делу дали официальный ход, однако сидеть в тюрьме Ульянову пришлось совсем недолго.

Современные исследователи отмечают, что быстрое освобождение В. И. Ульянова из-под ареста было случаем неординарным: «У большинства из тех, кого в то время преследовала полиция, армейское командование и контрразведка, не было таких видных защитников, как у Ленина. И большинство из них не отделалось так легко, как он»²⁰³. В справедливости этого наблюдения мы можем убедиться на следующем примере. Хорошо знакомый Ульянову российский революционер-эмигрант, руководитель заграничного бюро Литовской социал-демократической партии П. Эйдукявичюс был арестован в Новом Тарге 18 августа 1914 г. и помещен в ту же тюрьму, что и Ульянов²⁰⁴. За Эйдукявичюса, также как и ранее за Ульянова, ходатайствовал депутат З. Марек, однако если Ульянов был отпущен из тюрьмы уже на 12-й день заключения, то Эйдукявичюс даже спустя два месяца после ареста, 20 октября 1914 г., по-прежнему находился в заключении²⁰⁵. За Эйдукявичюса впоследствии ходатайствовали и австрийские социал-демократы, однако лишь после трех с половиной месяцев заключения он был освобожден и выехал в Швейцарию²⁰⁶.

Подобное продолжительное разбирательство не было чем-то уникальным. Просмотр проверочных дел, отложившихся в фондах Управления военного контроля, дал нам аналогичные примеры. Так, не позднее 10 августа 1914 г. двое русских поддан-

²⁰³ Moritz V., Leidinger H., Jagschitz G. Im Zentrum der Macht. S. 127.

²⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 38. Л. 2.

²⁰⁵ Najdus W. Lenin wśród przyjaciół i znajomych... S. 359, 369.

²⁰⁶ Šarmaitis R. Lietuvos revoliucionieriai. Vilnius, 1988. P. 157–158.

ных были арестованы по подозрению в шпионаже только из-за того, что они разговаривали в поезде на родном языке. Несмотря на очевидную абсурдность причины ареста, они оставались под стражей в начале октября²⁰⁷.

Кем же были те самые «видные защитники», которые были у Ульянова, но отсутствовали у Эйдукивичюса (не говоря уж о многих других арестованных русских подданных)? Это были не австрийские социал-демократы; их ходатайство за Ульянова, конечно, привело к переписке Министерства внутренних дел с полицией Кракова и военными, — однако в случае Эйдукивичюса аналогичные действия дали результат только спустя три с половиной месяца²⁰⁸. Это не были И. Дашинский и З. Марек; их неформальные связи с полицией Кракова позволяли освободить человека сразу после задержания, как это случилось в августе 1914 г. с российским революционером А. Буцевичем²⁰⁹, однако после передачи дела военным возможности организовать освобождение у них уже не было, о чем свидетельствует дело все того же Эйдукивичюса.

Единственным ведомством, способным повлиять на быстрое освобождение В. И. Ульянова, были военные. Следы они оставили вполне четкие. Дело против лидера РСДРП было закрыто по представлению «местного разведбюро» (то есть краковского НК Stelle); при освобождении из тюрьмы Ульянову выдали 200 крон и велели явиться в Краков к заместителю начальника НК Stelle капитану Л. Моравскому. После этой встречи Ульянов вместе с родными по проездному документу, выданному ему дирек-

---

²⁰⁷ ÖStA. KA ZSt KM KÜA. Akten 3. 1081–1860. Akt. 1461.

²⁰⁸ Здесь стоит упомянуть, что даже на пятый день после освобождения В. И. Ульянова из тюрьмы, Министерство внутренних дел считало, что тот до сих пор находится под арестом в распоряжении военного суда (РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 38. Л. 26). Информация об освобождении Ульянова по состоянию на 23 августа отсутствовала и у дирекции полиции Кракова (РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 38. Л. 26 об). В неведении относительно освобождения Ульянова довольно долгое время находилось Наместничество во Львове (РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 38. Л. 24). Таким образом, ни МВД, ни Наместничество, ни полиция Кракова к освобождению Ульянова отношения не имели. По вполне очевидным причинам не играли роли в освобождении и те многочисленные обращения членов ППС и ППСД к окружном начальству, о которых мы знаем из советской и польской историографии (см.: Очерки революционных связей народов России и Польши. С. 499).

²⁰⁹ *Najdus W. Lenin wśród przyjaciół i znajomych...* S. 361; *Najdus W. Zygmunt Marek: prawnik i polityk, 1872–1931.* Warszawa, 1992. S. 100.

тором полиции Кракова М. Флатау выехал в Вену. В полицейском управлении в Вене (тесно сотрудничавшим с Эвиденцбюро) Ульянов получил удостоверение, дававшее право воспользоваться почтовым военным поездом для проезда до станции Брукс — и отбыл в Швейцарию, не забыв с границы отправить открытку сотруднику краковского НК Stelle комиссару полиции Р. Крупиньскому.

Каким может быть непротиворечивое объяснение быстрому и эффективному вмешательству военной разведки в дело арестованного В. И. Ульянова? Если придерживаться принципа «бритвы Оккама» и не изобретать лишних сущностей, то объяснение может быть только одно — из тюрьмы вытаскивали собственного агента. На это объяснение работают и перечисленные выше установленные фактические данные, касающихся периода нахождения Ульянова в Галиции до начала Первой мировой войны.

Для человека, воспитанного на советских мифах о «дедушке Ленине», вывод о продолжительном сотрудничестве вождя РСДРП со спецслужбами враждебного государства может показаться шокирующим. Однако подобное сотрудничество будущих (а также бывших) государственных лидеров в первой трети XX века было делом нередким. С японской и австро-венгерской разведками сотрудничал будущий глава Польши Ю. Пилсудский. Будущий президент Эстонии К. Пятс на протяжении примерно года до своего прихода к власти в 1931 г. получал необоснованно большую (и политически мотивированную) зарплату в качестве юрисконсульта советского Нефтесиндиката²¹⁰. Связанные с будущим президентом Латвии К. Ульманисом фирмы получали выгодные советские заказы, что позволяло вести активную политическую деятельность на выборах в Сейм в 1928 г.²¹¹ Глава Ковенской резидентуры ОГПУ в 1926 г. писал о будущем литовском диктаторе А. Сметоне: «Сметона в этом отношении надежнее других, т. к. у нас есть аргументы против него — расписки в получении от нас денег»²¹². С советской разведкой сотрудничали бывший премьер-ми-

---

²¹⁰ Ильмярв М. Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя мировыми войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940) / Пер. с англ. В. Белобровцева. М., 2012. С. 43–48.

²¹¹ Там же. С. 61–62.

²¹² ЛУА. Ф. К-35. Оп. 2. Д. 826. Л. 30–32; Дюков А. Р. Государственный переворот в Литве 17 декабря 1926 г. глазами советской внешней разведки. М., 2026 (готовится к печати).

нистр Эстонии Я. Тыниссон²¹³ и бывший премьер-министр Литвы А. Вольдемарас²¹⁴. Все эти политические деятели рассматривались в своих странах как «отцы отечества» и даже предположение об их сотрудничестве с иностранными разведками вызывало (и зачастую до сих пор вызывает) нешуточное возмущение.

Показательно, что вышедшая в 1998 г. и неоднократно цитировавшаяся здесь монография Р. Швентека, посвященная сотрудничеству Ю. Пилсудского с иностранными разведками, несмотря на свой фундаментальный и безупречно научный характер была встречена польскими историками враждебно, а автор подвергся остракизму и «заплатил за книгу своей карьерой, будучи вытесненным из профессии непререкаемыми авторитетами, которые заслужили звания и славу благодаря Пилсудскому, написали о нем тысячи страниц, но так и не заметили столь важного момента [как сотрудничество с иностранными разведками], а порой даже отрицали его»²¹⁵.

Вопрос о сотрудничестве Пилсудского с зарубежными разведками окончательно вошел в польский публичный дискурс лишь через десять с лишним лет после выхода монографии Р. Швентека. Парадоксальным образом этому помогла дискуссия вокруг темных страниц биографии другого польского «отца нации» — главы «Солидарности» и президента Польши Л. Валенсы, на заре своей карьеры трудившегося сексотом Службы безопасности МВД ПНР и стучавшего на оппозиционно настроенных рабочих²¹⁶.

Фактические данные можно игнорировать долго — но не бесконечно долго.

---

²¹³ Резиденты сообщают ... Сборник документов о политической обстановке в Латвии, Литве и Эстонии, август 1939 г. — август 1940 г. / сост. А. Р. Дюков. М., 2020. С. 85–100.

²¹⁴ Там же. С. 268.

²¹⁵ *Ziemkiewicz R. Złowrogie cień marszałka. Lublin, 2017.*

²¹⁶ К слову сказать, после распада СССР независимую Литву также возглавил бывший стукач, десятилетиями работавший на КГБ, — музыковед В. Ландсбергис (*Janutienė R. Dinastija. Landsbergių išgyvenimo istorija. Vilnius, 2014*). Бывшим сексотом КГБ была и первый премьер-министр Литвы после повторного обретения независимости — К. Прунскене (*Дубнов А. Почему распался СССР. Вспоминают руководители союзных республик. М., 2019. С. 111*).